

В. М. Федосеев
WLADIMIR FELKNER

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ)

СОЧИНЕНИЕ Д-РА

ФРИДРИХА ДИУТТЕСА,

ДИРЕКТОРА УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ВЪ ВЕНЕ.

Перев. съ нѣмецкаго 2-го изданія

Н. Н. Запольскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

1873..

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 18 января 1873 года.

ТИПОГРАФІЯ. Ф. С. СУЩЕНСКАГО.

Екатерининскій каналъ 168.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Одного лишь усвоенія питательныхъ веществъ еще недостаточно для того, чтобы сдѣлать тѣло здоровымъ, сильнымъ и гибкимъ; пріобрѣтеніе однихъ только знаній еще не даетъ духу ни ясности, ни силы, ни живости. То и другое, — тѣло и духъ достигаютъ совершенства не иначе, какъ чрезъ упражненіе, чрезъ самодѣятельное возбужденіе и образованіе своего организма. Упражненіемъ для тѣла служитъ движеніе, упражненіе духа состоитъ въ мысленіи.

Однако, иногда говорятъ: тѣло достаточно упражняется различнаго рода играми, трудами и различнаго рода занятіями, требующими участія физическихъ силъ, — такъ что мы не имѣемъ нужды въ какой-либо методической гимнастикѣ. Различнаго рода случаи и практическія задачи, встрѣчаемыя въ ежедневной жизни, а равно и разнообразное содержаніе отдѣльныхъ наукъ достаточно развиваютъ духъ, — такъ что для нашего мысленія не требуются какія-либо систематическія упражне-

нія. То и другое мнѣніе несправедливо. Всестороннее и гармоническое развитіе человѣческихъ силъ не можетъ быть вполнѣ обезпечено отдѣльными, отрывочными и чисто случайными упражненіями. Какъ для тѣла полезна гимнастика методическая, основывающаяся на началахъ анатоміи и физиологіи; такъ и для духа полезно систематическое упражненіе, сообразное съ законами логики.

Конечно, законы логики суть ни что иное, какъ *естественные законы* мышленія, слѣдовательно, представляютъ тѣ же самыя правила, какимъ слѣдуетъ „здравый разумъ человѣка“ самъ собой. Логика не въ силахъ создать внутренней сущности духа; не должна и стѣснять ее. Но логика можетъ и ставить своей задачею привести къ сознанию напечатлѣнныя въ духѣ нормы и служить руководствомъ къ обдуманному и благотворному примѣненію этихъ нормъ. Она показываетъ границы и условія дѣятельности разсудка; очищаетъ мышленіе отъ заблужденій и мишуры; даетъ духу точку зрѣнія на его собственную дѣятельность и мѣрило для продуктовъ умственной дѣятельности другихъ; сужденію сообщаетъ твердость и остроту, а вмѣстѣ съ этимъ умѣренность и осторожность.

Нуждается ли въ логикѣ кто-нибудь больше учителя?—Я не думаю. Тысячи разъ уже говорили школа должна не сообщать только знанія, но кромѣ этого и упражнять въ мышленіи; она должна быть

быть не просто школой обученія, но вмѣстѣ и школой мышленія: въ особенности же такую должна быть школа народная. Совершенно справедливо. Но вѣдь эти требованія останутся безплодными, если не будетъ мыслящихъ учителей, — такихъ, для которыхъ мышленіе сдѣлалось бы привычкою, которые рѣшительно не могли бы иначе учить, какъ только мысля, и ученики которыхъ по этому ничего не могли бы изучать иначе, какъ только размысливая. Кто желаетъ человѣчеству прогресса, тотъ вмѣстѣ долженъ желать для юношества умственно-развитыхъ учителей, способныхъ развивающимъ образомъ вліять на умы учащихся. А въ такомъ случаѣ не будетъ достаточно однихъ только знаній, передаваемыхъ на вѣру, и не значительнаго запаса механически усвоенныхъ методическихкихъ навыковъ. Логическая выправка составляетъ одну изъ необходимыхъ сторонъ въ образованіи учителей. Это можно видѣть уже изъ того, что безъ логики невозможна никакая методика, что послѣдняя въ наибольшей части опирается на основныя начала вервой. Множество заблужденій и споровъ не возникало бы совсѣмъ, а нѣкоторые легко могли бы быть устранены, если бы старались понять ихъ логически.

Предлагаемая книга имѣетъ цѣлю служить руководствомъ къ логической гимнастикѣ. Такъ какъ она по преимуществу назначается для учителей, то и примѣры, которыми наглядно выясняют-

ся законы мышления, заимствованы изъ тѣхъ областей знаній, съ которыми будетъ имѣть дѣло учитель. При этомъ существенно важнымъ полагалось самое *примѣненіе* логическихъ законовъ посредствомъ уясненія и упорядоченія сообщеннаго круга знаній и мыслей; а поэтому, предлагаемое руководство носить *практическій* характеръ. *Знать* логику—немного пользы, особенно для учителя, но *примѣнять* логику весьма полезно, и именно для учителя. По этому я опускаю тѣ частности (особенно въ отдѣлѣ объ умозаключеніяхъ), которыя имѣютъ только *теоретическое* достоинство. Слова нѣтъ, что въ полномъ курсѣ логики ихъ нельзя обходить, но на практическое собственно мышленіе онѣ не оказываютъ никакого вліянія. Мѣстами пришлось опустить и нѣчто существенное, но въ настоящемъ руководствѣ я предлагаю лишь только однѣ основы обученія логикѣ, какъ я веду его въ своей учительской практикѣ. Конечно, я имѣю дѣло съ такими слушателями, которые, говоря вообще, болѣе зрѣлы, чѣмъ питомцы обыкновенныхъ учительскихъ семинарій,—но гдѣ практика школьной жизни требуетъ еще элементарнаго преподаванія, тамъ пусть изъ даннаго выбираютъ легчайшее: лишь бы не выбрасывали логики за бортъ совѣмъ, оправдываясь успокоительной поговоркой: „все это, правда, и хорошо, да слишкомъ учено“. Истинное образованіе ума рѣшительно ни для кого не возможно безъ обстоятель-

— 7 —

ной, научной подкладки. Какъ романъ, предлагаемой книги читать нельзя; было бы желательное основательное изученіе ея. Чего въ ней не достаётъ, читатель обязанъ дополнить собственнымъ мышленіемъ, дѣятельностью своего ума, свободной переработкой даннаго. Я никого не желаю освобождать отъ самодѣятельности, я хотѣлъ только начертать для нея руководительную нить.

Диттесъ.

Вѣна.

23 Сентября 1871 года.

~~~~~

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

—

Раздѣляя вполнѣ мысли почтеннаго автора, высказанныя имъ въ предисловіи, переводчикъ — съ своей стороны — считаетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководился онъ при выборѣ настоящаго руководства для перевода, — и о самомъ переводѣ.

Выдающимся достоинствомъ «Практической логики» Диттеса, кромѣ ясности, обстоятельности и удобопонятности изложенія, служитъ принятая авторомъ система расположенія матеріала науки, вполнѣ отвѣчающая педагогическимъ требованіямъ. Обыкновенно, при систематическомъ изложеніи логики, какъ въ учебникахъ, такъ и въ ученыхъ трудахъ, весьма рѣзко разграничиваются другъ отъ друга двѣ части ея: «чистая» и

«прикладная» логика. — Диттесъ не слѣдуетъ этому обычаю, — и на сколько въ этомъ отношеніи онъ поступаетъ совершенно основательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ *подлинно*, это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: за главой «о понятіяхъ» въ его логикѣ слѣдуетъ глава «объ опредѣленіяхъ» и «раздѣленіяхъ», т. е. о тѣхъ процессахъ разсудочной дѣятельности, которые касаются содержанія и объема *понятій*, а между тѣмъ въ обычныхъ логикахъ статья объ «опредѣленіяхъ» и «раздѣленіяхъ» относится въ «прикладной» логикѣ; дагѣ, такъ какъ эти процессы дѣятельности разсудка предъявляютъ сознанію все многообразіе и частныхъ и общихъ признаковъ даннаго понятія, благодаря чему развивается новая форма разсудочной дѣятельности — «сужденіе», то и въ рассматриваемой логикѣ непосредственно за главой «объ опредѣленіяхъ» и «раздѣленіяхъ» слѣдуетъ глава «о сужденіяхъ»; въ этой главѣ, ознакомивъ предварительно съ простѣйшей, такъ-сказать, элементарной формой сужденія, авторъ послѣдовательно переходитъ сначала къ тѣмъ «основнымъ законамъ», подъ управленіемъ которыхъ слагается эта форма мышленія, — и затѣмъ слѣдитъ примѣненіе этихъ законовъ къ болѣе сложнымъ формамъ мышленія, какими являются «выводныя сужденія» и «умозаключенія»: послѣдней формѣ мышленія авторъ посвящаетъ отдѣльную главу. Заключительная глава его логики отличается краткостью: безъ сомнѣнія, эта часть логики вообще представляетъ весьма глубокій интересъ, — но лишь въ такомъ изложеніи, какое далъ ей Д. Ст. Милль въ своей

«Системѣ логики»; соответственно предположенной себѣ цѣли, авторъ—по нашему мнѣнію—имѣлъ полное право ограничиться въ этой главѣ своей логики *однимъ объясненіемъ терминовъ* науки,—въ томъ, конечно, убѣжденіи, что реальное содержаніе объясняемыхъ въ ней понятій можетъ быть приобретено путемъ того научнаго образованія, какое дается нашими средними учебными заведеніями; предпосылаемое же авторомъ въ началѣ этой главы «общее обозрѣніе» сразу освѣщаетъ всю сложную архитеконику нашего мышленія. — Въ ряду попытокъ изложенія логики въ такой педагогической системѣ, трудъ Диттеса далеко выше стоитъ подобнаго же, напр. труда Дрбаля (*Practische Logik oder Denklehre. Fur Lehrerbildungsanstalten und Mittelschulen, sowie fur die gebildeten jeglichen Standes. Wien 1872.*), не свободнаго отъ промаховъ и ошибокъ. — Недостатокъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ сочиненій по логикѣ на русскомъ языкѣ служилъ также однимъ изъ мотивовъ для перевода. — Конечно, авторъ «въ настоящемъ руководствѣ предлагаетъ лишь только однѣ основы» для изученія логики; но и переводъ этого руководства, конечно, предназначается не для тѣхъ, кто можетъ пользоваться такимъ, напр. сочиненіемъ, какъ «*Sytem der Logik*» v. Dr. Hermann Ulrici. Leipzig, 1852 г. и другими трудами въ томъ же родѣ.

Всякій, кому приходилось переводить философскія сочиненія съ нѣмецкаго языка, безъ сомнѣнія, испытывалъ величайшее затрудненіе при желаніи передать

текстъ оригинала по возможности точно и полно: причина понятна ¹⁾). Это обстоятельство заставило переводчика внести въ текстъ перевода нѣсколько объяснительныхъ предложеній отъ себя, а также снабдить текстъ оригинала подстрочными примѣчаніями. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ пришлось сдѣлать незначительныя сокращенія и измѣненія въ текстѣ оригинала.

Переводчикъ.

С.-Петербургъ.
1872 г. 20 Декабря.

---

¹⁾ Такое затрудненіе представляла, напр. слѣдующая фраза: «Die Psychologie ist Naturwissenschaft, die Logik Kunstlehre». Что бы выдержать строгое соотвѣтствіе понятій, слѣдовало бы перевести это мѣсто такъ: психологія есть наука *естественная*, логика есть наука *искусственная*; но выраженіе: «искусственная», вслѣдствіе того значенія, какое ему усволяется обыкновенно, легко можетъ ввести читателя въ заблужденіе (притомъ подрывающее даже значеніе самой науки),—и отъ этого заблужденія врядъ ли могло бы предостеречь слѣдующее примѣчаніе: «выраженіе—*искусственная* въ данномъ случаѣ должно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ, напр. натуралисты говорятъ объ естественной и искусственной классификаціи». — Въ данномъ случаѣ, авторъ высказываетъ тоже, что, напр. говорятъ Дробишъ въ слѣдующихъ словахъ: «Die Erforschung der Naturgesetze des Denkens ist eine Aufgabe der Psychologie, die Feststellung seiner Normalgesetze aber eine Aufgabe der Logik,»—или: логика есть «keine bloss empirische, sondern eine demonstrative Wissenschaft» (Drobisch. Logik. 2 Aufl. а. 2 и 3).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ:

§ 1. Мышленіе	1
§ 2. Матерія мышленія	3
§ 3. Ученіе о мышленіи	5

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О понятіяхъ.

А. Сущность понятій:

§ 4. Основная форма понятій	6
§ 5. Содержаніе и объемъ понятій	8
§ 6. Свойства понятій	12

В. Взаимныя отношенія понятій:

§ 7. Несходныя (диспаратныя) понятія	16
§ 8. Тождественныя, равнозначія, соотносительныя понятія	19
§ 9. Подчиненныя, раздѣлительныя понятія	22
§ 10. Соподчиненіе, противоположность и нерекрещиваніе понятій	26

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ.

А. Объ опредѣленіяхъ.

§ 11. Сущность опредѣленій	29
§ 12. Отношеніе опредѣленій къ познанію	33
§ 13. Требования отъ опредѣленій	37
§ 14. Несовершенныя опредѣленія	40

В. О раздѣленіяхъ.

§ 15. Сущность раздѣленій	45
§ 16. Частныя дѣленія, подраздѣленія, сложныя раздѣленія	48
§ 17. Требования отъ раздѣленій	50
§ 18. Расчлененія	52

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О сужденіяхъ.

А. Простыя сужденія.

§ 19. Сущность сужденія	55
§ 20. Составныя части сужденія и форма его выраженія въ рѣчи.	58
§ 21. Качество, количество, отношеніе и образность (модальность) сужденій	61
§ 22. Аналитическія и синтетическія, простыя и сложныя сужденія.	64

В. Основные законы сужденія.

§ 23. Законъ тождества	67
§ 24. Законъ противорѣчія, законъ исключеннаго третьяго	70
§ 25. Законъ достаточнаго основанія.	73

В. О выводныхъ сужденіяхъ (слѣдствіяхъ).

§ 26. Измѣненіе качества и образности сужденій	80
§ 27. Превращеніе сужденій	82
§ 28. Противоположеніе и подчиненіе	84

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ умозаключеніяхъ.

§ 29. Примѣры	87
§ 30. Сущность умозаключенія	89
§ 31. Роды и виды умозаключеній.	92
§ 32. Законы образованія умозаключеній	93
§ 33. Гипотетическія умозаключенія, смѣшанныя умозаключенія.	95
§ 34. Сложныя умозаключенія (сориты), ложныя умозаключенія.	99

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О человѣческомъ познаніи вообще.

§ 35. Общее обзореніе	101
§ 36. Формальныя начала науки.	105
§ 37. Индукція	107
§ 38. Аксіомы, аналогіи.	111
§ 39. Гипотезы	114
§ 40. Дедукція, доказательство	116

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Мышление.

Между тѣмъ какъ психологія изслѣдуетъ всю область душевной жизни человѣка, слѣдовательно, не одну только познавательную дѣятельность души, но и ощущение, чувство, стремленіе и т. д. логика ограничивается одною стороною жизни души, міромъ мыслей. Такимъ образомъ, логика вращается въ болѣе узкомъ кругѣ, чѣмъ психологія. Последняя относится къ ней, какъ фундаментъ большаго зданія къ построенію отдѣльныхъ частей его. При этомъ и характеръ обѣихъ наукъ различенъ: психологія есть наука естественная, логика же наука объ искусствѣ. Первая разсматриваетъ условія, процессы и законы всего душевнаго развитія вообще; а вторая правильное и законное образованіе разсудочной дѣятельности. Первая имѣетъ въ виду раскрыть естественное развитіе всѣхъ психическихъ процессовъ, какъ нормальныхъ, такъ вмѣстѣ и ненормальныхъ; а вторая стремится быть руководительницею въ истинному познанию, т. е. имѣетъ въ виду сообщить пра-

вила для избѣжанія заблужденій и для достиженія истины. Короче сказать, логика есть наука о формахъ и законахъ мышленія.

Но всякое мышленіе состоитъ въ работѣ надъ представленіями. Представленія образуютъ матерію и содержаніе мышленія, и поѣтому должны существовать прежде мышленія, не могутъ создаваться имъ. Мышленіе рѣшительно не въ состояніи создать элементовъ познанія; оно въ силахъ и должно, какъ было сказано, уяснить и упорядочивать ихъ. Какъ плотникъ не въ силахъ создать строительнаго матеріала, и можетъ только выбрать, обработать и обдѣлать его такимъ образомъ, чтобы выстроить домъ, церковь, театръ и т. п., такъ и мыслящій разсудокъ не въ состояніи создать изъ самого себя элементы представленій, а можетъ только сравнивать, наблюдать и связывать ихъ такимъ образомъ, чтобы составить понятіе, сужденіе, умозаключеніе и т. п. И какъ плотникъ долженъ слѣдовать правиламъ своего искусства, если хочетъ выстроить зданіе, соотвѣтственное цѣли, прекрасное и устойчивое, такъ и всякое мышленіе должно сообразоваться съ извѣстными законами (нормами), чтобы придти къ свободнымъ отъ ошибокъ формамъ (образцамъ). Но какъ оконченное произведеніе плотничьяго искусства есть нѣчто иное, чѣмъ масса сыраго матеріала, изъ котораго оно выстроено; такъ равно и умственное зданіе разсудка есть нѣчто иное, чѣмъ масса представленій, изъ которыхъ оно образовано.

§ 2. Матерія мышленія.

Какимъ образомъ человѣческій духъ приобретаетъ матеріалъ, который онъ затѣмъ обрабатываетъ посредствомъ мышленія, — объ этомъ учитъ психологія. Мы здѣсь лишь кратко упомянемъ объ этомъ для того, чтобы указать основу и исходный пунктъ различныхъ формъ дѣятельности разсудка.

Первоначальный источникъ человѣческаго познанія есть воспріятіе, или воззрѣніе, — внутреннее и внѣшнее. Внѣшнее воспріятіе производится чувствами. Оно доставляетъ намъ представленія о различныхъ формахъ, цвѣтахъ и пространственныхъ отношеніяхъ вещей, о тонахъ и звукахъ всякаго рода, о различной тяжести тѣлъ, ихъ запахахъ и вкусѣ, ихъ положеніи въ связи между собою, температурѣ и т. д. Внутреннее воспріятіе даетъ намъ знанія о способностяхъ нашего духа, объ ощущеніяхъ, стремленіяхъ, чувствахъ, мысляхъ и т. д. объ ихъ происхожденіи, силѣ, измѣненіи въ сознаніи, взаимныхъ отношеніяхъ и т. д. Наконецъ, оно даетъ намъ рядъ простыхъ понятій, которыя принадлежать вмѣстѣ и внѣшнему и внутреннему воспріятіямъ, и которыя входятъ въ мышленіе, какъ приобретенныя опытомъ. Таковы понятія времени (сосуществованіе, послѣдовательность и продолжительность), числа (единство, множество, всеобщность), величины (экстенсивной по протяженію и интенсивной по силѣ), принадлежности (частей, свойствъ, силъ и пр. какого-ни-

будь цѣлаго, или какой-нибудь субстанціи), причины (связь между причиною и слѣдствиемъ); равнымъ образомъ и понятіе бытія, или дѣйствительности, составляетъ достойное разсудка, какъ фактъ внутренняго и вышняго воспріятій.

Не дѣло жогикѣ изслѣдовать, — сообщаетъ ли намъ воспріятіе, какъ такое, истинную сущность вещей, или знакомитъ насъ только съ тѣмъ, какими онѣ являются намъ. Достаточно сказать, что воспріятіе есть единственный источникъ непосредственнаго познанія, и это-то познаніе составляетъ матерію всякаго мышленія. Последнее было бы совершенно невозможно, если бы такъ или иначе не былъ данъ матеріаль представленій; и не существуетъ никакого искусственнаго средства сообщить понятія цвѣта, тона, теплоты, пространства, времени, ощущенія, склонности и т. д. тому, у кого нѣтъ нужныхъ для этого впечатлѣній. На этомъ основывается безусловная важность элементовъ познанія, которые даются опытомъ. Потому-то въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій старались собрать всѣ указанные элементы и упорядочить ихъ, разложивъ на опредѣленные разряды, называемые категоріями, причемъ подъ категоріями разумѣли то понятія основныхъ классовъ, которыя обнимаютъ собою все дѣйствительно существующее (Аристотель), то общія, основныя точки зрѣнія познавательной способности человѣка (Кантъ). И какъ бы ни была запутана въ настоящее время теорія нашихъ эмпирическихъ представленій и

ихъ категорій, во всякомъ случаѣ они составляютъ фундаментъ всякаго человѣческаго міросозерцанія, матеріаль въсѣхъ вообще наукъ.

§ 3. Ученіе о мышленіи.

Если всѣ представленія, приобретаемыя нами посредствомъ воспріятія, т. е. прежде мышленія и независимо отъ него, — мы назовемъ непосредственнымъ познаніемъ, то выработываемыя мышленіемъ возвращенія можно наименовать познаніемъ посредственнымъ. Поэтому, каждая наука должна прежде всего собрать и изслѣдовать данныя опыта, принадлежащія въ известной области знаній, но затѣмъ переработать ихъ логически, т. е. обратить ихъ въ понятія, опредѣленія, классы, сужденія (научныя положенія), заключенія, доказательства и т. д. Такъ какъ эта переработка составляетъ главную задачу наукъ, то логика можетъ быть понимаема, какъ ученіе о всѣхъ вообще наукахъ. Но такъ какъ логическія формы должны быть примѣняемы, и логическія правила должны быть выполняемы не только въ области отвлеченныхъ научныхъ системъ и теорій, а вмѣстѣ и въ сферахъ пракческаго и всего вообще человѣческаго мышленія; то мы вправѣ смотрѣть на логику, какъ на ученіе о всякомъ мышленіи вообще. Поэтому, для того, чтобы выяснить ея положенія и правила, можно выбирать примѣры изъ всевозможныхъ областей познанія, изъ математики, естественныхъ наукъ, географіи, исторіи, грамматики, пси-

холодіи, ученія о нравственности, педагогики и т. д., а также и изъ ежедневной жизни, изъ гражданскихъ, политическихъ обстоятельствъ, техническихъ занятій, и т. д. Собственно же предметъ логики составляютъ *всеобщіе законы и формы мышленія*, въ какому бы частному *содержанію* его они ни примѣнялись. Изслѣдованіе и обработка этого частнаго содержанія, другими словами, весь многосложный матеріалъ познанія составляетъ задачу не логики, но задачу различныхъ другихъ наукъ, равно какъ и профессиональнаго образованія и вообще всякой умственной дѣятельности, обращенной на опредѣленную область знанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ПОНЯТІЯХЪ.

А. сущность понятій.

§ 4. Основная форма понятій.

Наши представленія такъ же разнообразны, какъ и представляемые предметы. Наибольшая часть вещей имѣетъ или много общихъ между собою признаковъ, или мало, или даже одинъ признакъ; а равнымъ образомъ, существующія вещи могутъ быть и совершенно различны другъ отъ друга. Тоже должно сказать

и о нашихъ представленіяхъ, умственныхъ образахъ вещей.

Признаки (составныя части, свойства, отношенія и т. д.), общіе извѣстной группѣ предметовъ, называются сущностью этихъ предметовъ. Сами же предметы (недѣлимыя), имѣющіе одну и ту же сущность, въ своей совокупности, образуютъ классъ, или видъ, или родъ и т. д.

Если мы назовемъ единичнымъ представленіемъ ту форму познанія, которая обнимаетъ всѣ признаки одного предмета, то спрашивается: что же въ такомъ случаѣ мы назовемъ *понятіемъ*?—Очевидно, понятіемъ будетъ то общее представленіе, которое приложимо ко множеству однородныхъ вещей.

Но, чтобы создать такой умственный образъ, мы должны отвлекать (абстрагировать),—т. е., не обращать вниманія на нѣкоторые признаки отдѣльныхъ вещей; потому что, если бы мы въ свои понятія вносили и то, что исключительно свойственно отдѣльному предмету, то наши понятія примѣнялись бы только къ недѣлимымъ, а не къ цѣлой группѣ недѣлимыхъ, слѣдовательно, не было бы никакихъ общихъ представленій, т. е., никакихъ понятій. Такимъ образомъ, строго говоря, всѣ понятія, такъ какъ они суть общія представленія, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и абстрактными представленіями. Но абстрактными они бываютъ въ большей или меньшей степени. А именно: когда представляются совокупно всѣ общіе признаки (*вся въ цѣломъ* сущность) извѣстной группы од-

нородныхъ предметовъ, то получается «конкретное» (т. е. слитное) понятие. Такой умственный образъ можно также назвать сложно-составнымъ представлениемъ, въ отличіе отъ представленія единичнаго. Въ конкретномъ понятіи, которое называется еще «предметнымъ» понятіемъ, заключается такъ много элементовъ, усматриваемыхъ въ единичныхъ представленіяхъ, что оно легко напоминаетъ намъ о самой вещи (напр. понятіе горы). Но если мыслится какой-нибудь *одинъ* отдѣльный признакъ, принадлежащій многимъ вещамъ или извѣстное *отношеніе* между ними, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ особенностей ихъ, — то получается «абстрактное» понятіе въ тѣсномъ смыслѣ. При этомъ представляется нѣчто такое, что безъ сомнѣнія существуетъ въ самыхъ вещахъ; но представляется однако безъ вещей, отдѣльно отъ нихъ и внѣ связи съ другими признаками (напр., понятіе блага, прамаго). Очевидно, что эти абстрактныя понятія содержатъ въ себѣ менѣе элементовъ представленія, простѣе, чѣмъ конкретныя.

§ 5. Содержаніе и объемъ понятій.

Въ каждомъ понятіи различаютъ содержаніе и объемъ. Подъ послѣднимъ разумѣютъ совокупность единичныхъ представленій, которыя, будучи образами однородныхъ недѣлимыхъ, являются въ сознаниі сходными по нѣкоторымъ своимъ признакамъ; подъ первымъ — всѣ обще-составныя части этихъ единичныхъ предста-

влений, составляемыхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, содержаніе и объемъ понятія находятся во внутреннемъ взаимоотношеніи между собою. Объемъ показываетъ намъ сумму всѣхъ однородныхъ вещей (недѣлимыхъ), а содержаніе—сущность: сходныя черты, или признаки этихъ вещей. Объемъ понятія находятъ тогда, когда присоединяютъ другъ къ другу всѣ представленія, въ содержаніи которыхъ встрѣчается общая всѣмъ имъ часть признаковъ; а содержаніе находится такимъ образомъ, что всѣ эти представленія разлагаютъ: сходное въ нихъ соединяютъ и удерживаютъ, а различное выдѣляютъ.

Объяснимъ себѣ дѣло примѣромъ. Положимъ, требуется опредѣлить, что составляетъ объемъ и содержаніе понятія «горный хребетъ».—Объемъ этого понятія образуютъ слѣдующія представленія: Пиринеи, Аппенины, Балканъ, Карпаты, Гарцъ, Уралъ, Гималай, Кордильеры и т. д., — словомъ, представленія всѣхъ горныхъ хребтовъ, находящихся на землѣ. Если же понятіе «горный хребетъ» не ограничивать одной только географіей, но распространять на всю космографію, то къ объему его будутъ относиться представленія горныхъ цѣпей на лунѣ, а также и горныхъ хребтовъ, существованіе которыхъ возможно и на другихъ мировыхъ планетахъ.—Спрашивается: что же составляетъ содержаніе этого понятія?—По вышеуказанному—представленіе всего того, что общаго между собою имѣютъ всѣ горные хребты,—а именно: они суть возвышенія почвы,—и при томъ возвышенія значитель-

ныя, по меньшей мѣрѣ на 1000' абсолютной высоты, слѣдовательно, это не просто рядъ холмовъ; относительная высота ихъ также очень замѣчательна: они рѣзко возвышаются надъ окружающею ихъ мѣстностью, — слѣдовательно, не должны быть смѣшиваемы съ возвышенными равнинами; кромѣ того, они имѣютъ не одну только, а нѣсколько вершинъ, черезъ что отличаются отъ «горъ». Напротивъ, признаки, которые встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ горныхъ хребтахъ, не должны быть представляемы вмѣстѣ съ указанными, если имѣется въ виду составить лишь чистое понятіе. Вотъ — почему всѣ нижеслѣдующіе признаки, а именно: круты ли болѣе, или менѣе горные хребты; массивны ли они, или цѣпеобразны; снѣговые, или покрытые лѣсомъ; въ какомъ направленіи они простираются; изъ какаго рода камней состоятъ — уже не входятъ въ чистое понятіе «горный хребетъ.» Возьмемъ другой примѣръ. Объемъ понятія «басня» образуютъ всѣ единичныя представленія о всѣхъ дѣйствительно существующихъ басняхъ, — сочинены ли онѣ индѣйцами, или арабами, или греками, римлянами, французами, англичанами, нѣмцами и т. д. Кто думаетъ, напр. только о басняхъ Крылова, Хемницера, Измайлова, тотъ представляетъ себѣ лишь часть этого цѣлаго рода поэтическихъ произведеній. Спрашивается: что же общаго имѣютъ между собою всѣ басни? т. е., какія представленія образуютъ содержаніе этого понятія? Басни суть рассказы, — и притомъ рассказы вымышленные съ извѣстной опредѣлен-

ной цѣлью, именно: съ цѣлью поучительною, — причѣмъ самое это поученіе заимствовано изъ области понятій о нравственномъ; далѣе, мораль, которая въ баснѣ представляется въ наглядномъ видѣ отдѣльнаго случая (примѣра, имѣющаго аллегорическое значеніе), можетъ быть примѣняема ко множеству случаевъ. Но написана ли басня въ стихахъ, или прозою; прямо ли высказывается мораль ея, или только становится очевидною изъ дѣйствій выводимыхъ лицъ (животныхъ, растений, людей, боговъ и т. д.), — это не принадлежитъ къ неизмѣннымъ признакамъ басни, и — слѣдовательно — не должно быть вносимо въ общее представленіе ея. Возьмемъ и еще примѣръ: понятіе «интервалъ» показываетъ въ музыкѣ отношеніе двухъ тоновъ различной высоты (различнаго числа колебаній), и притомъ отношеніе ихъ только по одной высотѣ, — въ слѣдствіе чего, здѣсь не можетъ быть рѣчи о силѣ и тембрѣ тоновъ, объ инструментѣ, изъ котораго они извлекаются. Объемъ понятія «интервалъ» дають секунды, терціи, кварты и т. д.

На основаніи всего вышеизложеннаго можно попытаться разсмотрѣть такимъ же образомъ и другія, напр., слѣдующія понятія: параллелограммъ, термометръ, планета, птица, человѣкъ, школа, добродѣтель, наклоненіе (въ грамматическомъ и физическомъ смыслѣ), тонъ, цвѣтъ, форма, высота. Спрашивается: чтó составляетъ объемъ каждаго изъ этихъ понятій, и чтó — содержаніе каждаго изъ нихъ? Какія составныя части изъ относящихся сюда единичныхъ пред-

ставленій слѣдуетъ выдѣлить, и какія—удержать, чтобы образовать понятіе? Насколько каждое изъ нихъ конкретно, или абстрактно? Какія изъ нихъ болѣе сложны, и какія—болѣе просты?

§ 6 Свойства понятій.

Главное свойство понятій уже указано выше (§ 4); по основной своей сущности они суть *общія* и въ известной степени *абстрактныя* представленія. Равно показано выше и то, насколько нѣкоторыя понятія, какъ *конкретныя*, могутъ быть отличаемы отъ *абстрактныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ.

Въ ряду понятій различаютъ *ясныя* и *отчетливыя* понятія отъ противоположныхъ имъ *темныхъ* и *смутныхъ*. Ясность понятія состоитъ въ высокой степени его сознаваемости, интенсивности, очевидности и твердомъ отличеніи отъ другихъ понятій. Она зависитъ частію отъ проницательности и силы познающаго духа, частію отъ полноты и непосредственной свѣжести наглядныхъ представленій, изъ которыхъ выработано самое понятіе. Люди съ неразвитыми внѣшними чувствами и слабоумные могутъ имѣть только темныя понятія и никакихъ ясныхъ понятій составить себѣ не могутъ; но и самый даровитый не въ силахъ образовывать ясныхъ понятій, если не владѣетъ достаточнымъ запасомъ надлежащихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, ясность и темнота составляютъ собственно психологическія свойства понятій. Наоборотъ, отчет-

ливость составляет логическое совершенство ихъ; она состоитъ въ точномъ впечатлѣніи и рѣзкой раздѣльности составныхъ частей (признаковъ) понятій. Для сравненія съ высказанными опредѣленіями могутъ служить слѣдующія опредѣленія; «понятіе называется *яснымъ*, когда оно можетъ быть отличено отъ всякаго другого, отъ всѣхъ сродныхъ и потому легко смѣшиваемыхъ съ нимъ. Понятіе называется *отчетливымъ*, когда вполне извѣстно все его содержаніе». При этомъ, встаетъ, не излишне будетъ вникнуть въ смыслъ и значеніе такихъ выраженій, какъ: «объяснить явленіе, уяснить понятіе, дать объясненіе, выяснить научное положеніе посредствомъ примѣровъ, истолковать прорицаніе» и т. д.—Но хотя ясность и отчетливость суть различныя свойства понятія, тѣмъ не менѣе можно смѣло утверждать, что оба эти свойства стоятъ между собою въ тѣсной связи. Кто не умѣетъ отличить горнаго хребта отъ горы, группы холмовъ, или возвышенной равнины; кто басню смѣшиваетъ съ мифомъ, параболой, легендой и т. п.; кто не въ силахъ указать отдѣльные признаки этихъ понятій, или примѣшиваетъ къ нимъ чуждые элементы; кто бѣлое считаетъ краскою въ томъ же смыслѣ, въ какомъ считаетъ красное, синее и т. д.: тотъ, очевидно, владѣетъ понятіями съ указанными недостатками. Спрашивается: какими же недостатками страдаетъ каждое изъ приведенныхъ понятій?

Наибольшая часть понятій—*сложны*, т. е. содержать въ себѣ много составныхъ элементовъ пред-

ставленій (признаковъ); но есть также и *простыя* понятія, т. е. такія, которыя состоятъ изъ одного элемента. Къ нимъ мы возвратимся въ ученіи объ опредѣленіяхъ. Нѣкоторые изслѣдователи разсудочной дѣятельности говорятъ еще объ «индивидуальныхъ понятіяхъ». Подъ этимъ они разумѣютъ сумму важнѣйшихъ признаковъ въ отдѣльныхъ представленіяхъ, за исключеніемъ менѣе существенныхъ, — слѣдовательно, разумѣютъ отдѣльныя абстрактныя представленія. Судя по этому, «индивидуальное понятіе» такъ же относится къ единичнымъ представленіямъ въ собственномъ смыслѣ, какъ общій контуръ къ нарисованной вполнѣ картинѣ.¹⁾ Слѣдовательно, что могло бы войти въ содержаніе «индивидуальныхъ понятій» изъ представленій: Дунай, Песталоцци, Римъ и т. д.?

Часто различаютъ также понятія *аналитическія* и *синтетическія*. Подъ первыми разумѣются такія, въ которыхъ представляются *вещи* или признаки *вещей* («предметныя» и «качественныя понятія»), подъ послѣдними — такія, въ которыхъ представляются *отношенія* между вещами и признаками («понятія отношенія»). Первые образуются посредствомъ анализирующей (расчленяющей) дѣятельности мышленія, послѣднія — посредствомъ соединяющей. Примѣры понятій перваго рода найти легко. Примѣрами понятій втораго рода могутъ служить слѣдующія, напр. интервалъ, школа, семейство, общество, государство,

---

¹⁾ Какъ типическое изображеніе характера къ биографіи личности, какъ типическое изображеніе мѣстности къ описанію ея и т. п.

армія, система, организмъ, симметрія, родство, дружество, союзъ, договоръ, торговля, миръ, война, благотворительность, зависть, властолюбіе, послушаніе, и т. д.; сюда же принадлежатъ понятія: большой, малый, короткий, длинный, близкій, далекій и т. д., вообще всѣ соотнотельныя понятія (см. § 8), а равно и тѣ, которыя выражаются въ сравнительной, или превосходной степени. Средину между аналитическими и синтетическими понятіями образуютъ понятія *коллективныя* (собирательныя),—т. е. такія, въ которыхъ умопредставляется (только внѣшняя) связь между однородными предметами, какъ напр.: песокъ, мука, стадо, куча, толпа и т. д. Существеннымъ признакомъ этихъ понятій служитъ то, что мышленіе здѣсь въ одно и то же время и раздѣляетъ единство на множество, и сводитъ множество въ единству. Вообще, въ человѣческомъ мышленіи анализъ и синтезъ попеременно чередуются между собою.

Такъ какъ, по большой части, количество недѣлимыхъ одного рода слишкомъ значительно, а часто даже и неисчислимо; такъ какъ, далѣе, одно и то же свойство, одно и то же отношеніе можно встрѣтить въ очень различныхъ вещахъ: то понятно, что различные люди могутъ составлять одно и то же понятіе изъ различныхъ воспріятій. Такъ, напр., обитатели различныхъ странъ вырабатываютъ понятіе: горный хребетъ изъ очень различныхъ воззрѣній; прибрежные жители составляютъ понятіе о рыбѣ изъ иныхъ воззрѣній, чѣмъ живущіе внутри материка; люди, которые нико-

гда не видали снѣга, понятие: бѣлый должны отвлекать отъ воспріятій другихъ бѣлыхъ вещей и т. д.

Понятія бываютъ *правильными (истинными)* въ томъ случаѣ, когда соотвѣтствуютъ сущности и отношеніямъ представляемаго ими предмета. Если же этого нѣтъ, то они болѣе или менѣе неправильны (ложны). Однако, правильность понятій не всегда зависитъ отъ того, существуетъ ли въ дѣйствительности, или существовало то, что представляется. Существуютъ понятія и о вещахъ только «мыслимыхъ» (циклоны, нимфы, языческія божества, вѣдьмы, феи и т. д.); въ логическомъ смыслѣ и эти понятія правильны, если употребляются въ томъ же значеніи, съ какимъ являются въ исторіи человѣческихъ мнѣній.

Внѣшнимъ выраженіемъ cadaго понятія служитъ отдѣльное слово. За исключеніемъ междометій и собственныхъ именъ каждое слово означаетъ извѣстное, болѣе или менѣе абстрактное, понятіе.

Б. взаимныя отношенія понятій.

§ 7. Несходныя (диопаратныя) понятія.

Предметы, имѣющіе извѣстные общіе между собою признаки, называются однородными (гомогеническими); предметы же, у которыхъ не находится общихъ признаковъ, именуется разнородными (гетерогеническими). Такия же отношенія встрѣчаются и въ мірѣ нашихъ мыслей. Пестрота дѣйствительности.—великаго міра

(макрокосма), отражается въ разнообразіи представляющей способности чловѣка, — малаго міра (микрокосма). Въ нашемъ духѣ уживаются рядомъ одно подлѣ другаго не родственныя только, но вмѣстѣ и разнородныя представленія.

Присмотримся ближе къ взаимнымъ отношеніямъ совершенно различныхъ понятій. Отношенія эти наблюдаются тамъ, гдѣ встрѣчаются два или нѣсколько понятій, не имѣющихъ между собою ни одного общаго элемента (признака). Такія понятія, совершенно отдаленныя другъ отъ друга по своему содержанію, называются *несходными* (диспаратными); а такъ какъ они не входятъ въ объемъ одного и того же высшаго понятія (рода), то и являются имѣющими между собою *родовое различіе*. Подобное взаимное отношеніе ихъ есть отраженіе въ нашемъ сознаніи отношеній между гетерогеническими предметами, которые совершенно чужды другъ другу по своей сущности. Сопоставимъ — для примѣра — одно подлѣ другаго слѣдующія понятія: добродѣтель и мѣдь, разумокъ и желтый, воля и сладкій, квадратъ и ароматическій, тонъ и справедливый, холодный и видимый, вчера и три, дружество и четверугольный, лѣвый и пѣніе, круглый и глухой. Здѣсь вездѣ стоятъ рядомъ два понятія, совершенно различныя по содержанію, слѣдовательно, такія (диспаратныя), которыхъ нельзя сравнивать между собою. Такое же отношеніе существуетъ и между понятіями, изъ которыхъ одно образуется изъ вѣшняго, а другое изъ внутренняго воспріятія, а равно — между

понятіями, которыя образуются дѣятельностію различныхъ чувствъ; даже одно и тоже чувство можетъ доставить намъ диспаратныя понятія, напр., понятія: круглый и красный.

Относительно всѣхъ подобныхъ понятій слѣдуетъ обратить вниманіе на то; что сами собой такія понятія никакимъ образомъ не могутъ имѣть связи между собою. Но они могутъ быть соединены въ какомъ-либо третьемъ понятіи, могутъ стоять рядомъ одно подлѣ другаго, какъ признаки этого третьяго понятія. Такъ, напр., понятія: бѣлый, тающій и холодный не имѣютъ между собою совершенно никакой связи (диспаратны); но въ понятіи: снѣгъ они приходятъ въ соединеніе. Равнымъ образомъ понятія: нога, млекопитающее, красный, четыре и т. д. не заключаютъ въ себѣ ничего между собою общаго; однако, изъ нихъ можетъ быть составлена слѣдующая мысль: лошадь есть четвероногое, млекопитающее животное, имѣющее красную кровь. Такимъ образомъ, нельзя говорить, что несходныя (диспаратныя, безотносительныя) понятія безусловно *не могутъ быть соединяемы*; но дѣйствительно они могутъ быть соединимы только въ такомъ случаѣ, если въ своемъ объемѣ имѣютъ какую-нибудь одинаковую часть. Напр., понятіе: снѣгъ одинаково принадлежитъ и къ объему понятія: тающій, и къ объему понятія: бѣлый, а потому понятія: таяніе и бѣлый соединяются въ понятіи: снѣгъ. Понятіе: неподвижныя звѣзды одинаково принадлежитъ и къ объему понятія: свѣтащійся и къ объему понятія: круглый; поэтому въ понятіи:

неподвижныя звѣзды соединяются понятія: свѣтящійся и круглый. Такимъ же образомъ, въ понятіи: человекъ объединяются, какъ признаки его, понятія: тѣлесность, организація, чувственность, разумность, смертность и т. д. На основаніи сказаннаго можно подыскать и другіе примѣры.

§ 8. Тождественныя, равнозначашія, соотносительныя понятія.

Прямой противоположностью полному различію двухъ понятій было бы *полное ихъ единство (тождество)*. Но, еслибы два понятія имѣли совершенно одинаковое содержаніе и совершенно одинаковый объемъ, то они выражали бы одно и то же понятіе. Поэтому, въ смыслѣ логическомъ, не существуетъ тождественныхъ (идентичныхъ) *понятій*. Правда, въ процессѣ мышленія мы можемъ повторять одно и то же понятіе; правда, одно и то же понятіе образуется многими людьми, слѣдовательно,—образуется въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Но если оно въ томъ и другомъ случаѣ мыслится *правильно*, то его содержаніе и объемъ, т. е. вся его логическая сущность, — всегда должны оставаться неизмѣнными. Мы уже видѣли, что одно и то же понятіе можетъ быть встрѣчаемо, какъ составная часть, во множествѣ другихъ понятій,—и отсюда становится яснымъ, на какомъ основаніи въ логикѣ говорятъ о тождественныхъ *признакахъ*.

Въ очень значительной степени сходны между со-

бою такъ-называемыя *равнозначашія* понятія. Они имѣють вполне одинаковый объемъ, самое же содержаніе ихъ, хотя и не вполне, но—по крайней мѣрѣ—въ главныхъ чертахъ, одинаково. Примѣромъ такихъ равнозначашихъ понятій могутъ служить слѣдующія: равнобедренный и равноугольный треугольникъ, возрѣніе и воспріятіе, Монбланъ и высочайшая гора въ Европѣ, авторъ сочиненія: «*Orbis pictus*» и величайшій педагогъ 17-го столѣтія, ¹⁾ селянинъ и крестьянинъ, учить и обучать, горизонтальный и прямолежащій, вертикальный и отвѣсный, а также перпендикулярный и прямо опускающійся. Равнымъ образомъ, на педагогическомъ языкѣ принимаются вообще за од-нозначашія понятія: дитя и питомецъ, задатки и дарованія. Нерѣдко даже считаются равнозначашими понятія: церковь и духовенство, государство и правительство. Въ этомъ случаѣ многое зависитъ отъ того, подъ вліяніемъ какихъ именно личныхъ впечатлѣній выработывается извѣстнымъ лицомъ складъ его мыслей,—и отъ индивидуальныхъ приѣмовъ мышленія. Такъ напр., Гербартъ вмѣсто понятія «представленіе» ставитъ понятіе «самосохраненіе души» ²⁾, а Бенеке всё бессознательно воспринимаемыя отдѣльныя впечатлѣнія называетъ то «слѣдами» (фактами, которые предшест-

¹⁾ Разумѣется въ томъ и другомъ случаѣ Амосъ Коженій († 1671 г.)

²⁾ Душа первоначально есть простое, безсодержательное качество, утверждаетъ Гербартъ, поэтому, для того, чтобы существовать и дѣйствовать, она должна стремиться представлять.

вуютъ собственно дѣятельности души), то «залогамъ» (основами для послѣдующихъ душевныхъ развитій).

Судя по этому, отношеніе равнозначущихъ понятій выражается въ томъ, что, соотвѣтственно специальнымъ нуждамъ познанія, выдвигаютъ съ особенной определенностію то тотъ, то другой признакъ ихъ; между тѣмъ какъ остальные признаки и отношенія остаются незатронутыми ¹⁾. Но такъ какъ въ подобномъ случаѣ равнозначущія понятія имѣютъ и строго одинаковый объемъ, то они могутъ попеременно заступать одно мѣсто другаго, почему ихъ называютъ еще понятіями *замѣняющими* (*взаимными*). Очевидно, что при такой ихъ связи разьединеніе ихъ можетъ служить къ тому, чтобы выяснить *различныя* стороны и отношенія известнаго познаваемаго предмета, показывать одну и ту же вещь съ различныхъ точекъ зрѣнія. ²⁾

1) Въ рѣчи однозначащія понятія находятъ свое выраженіе въ такъ называемыхъ *синонимахъ*: напр., прекрасный и прелестный, трудъ и работа, путь и дорога и т. п.; часто употребляя одно слово вмѣсто другаго, мы, однакоже, при точномъ мышленіи, не позволяемъ себѣ безразлично замѣнять одно слово другимъ; такъ напр., мы говоримъ, что отъ такого-то до такого мѣста два дня *пути*. (а не дороги), или онъ пошелъ на *работу*, (а не на трудъ) и т. п. Почти единственный у насъ опытъ объясненія специфическаго значенія синонимовъ представляетъ статья Г. Давыдова въ «Чтеніяхъ Импер. Акад. Наукъ» по ~~отъ~~ *русск.* яз. и *слѣдств.*

2) «Большая часть словъ одного значенія, взятыхъ изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ, состоитъ между собою въ синонимическомъ отношеніи, выражая различныя точки зрѣнія на предметъ, или различныя стороны одного и того же понятія. Такъ напр. *смышляваться*, нѣмецк. *ausdenken* и французск. *douter* означаютъ одно и тоже понятіе, но съ различными оттенками. Наше *смышляваться*, происходитъ отъ глагола *мыслить* или *мысль*—думать съ предлогомъ *съ*, а нѣмецк. *ausdenken* и франц. *douter*

Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи дѣятельности рассудка относятъ выраженія: «замѣняющія понятія» и «взаимныя понятія» совершенно къ другимъ отношеніямъ понятій, чѣмъ какія указаны. Именно, подъ ними разумѣютъ такія понятія, которыя хотя и различны, но одно безъ другаго не могутъ быть мыслимы,—напр. понятія: цѣль и средство, причина и дѣйствіе, основаніе и слѣдствіе, цѣлое и часть, дѣлимое и дѣлитель, вещь и принадлежность, подлежащее и сказуемое, мать и дитя, учитель и ученикъ, кредиторъ и должникъ, правый и лѣвый, верхній и нижній, внѣшній и внутренній. Такія понятія умѣстнѣе называть *коррелятивными*, т. е. соотносительными понятіями; хотя и называютъ также этого рода понятія «замѣняющими», или «взаимными» понятіями, но, какъ мы сказали выше, подъ этими послѣдними выраженіями разумѣются вмѣстѣ и понятія равнозначашія. Слѣдовательно, чтобы избѣжать ошибокъ, всегда нужно обращать вниманіе на то, означаетъ ли названіе замѣняющихъ (взаимныхъ) понятій равнозначашія (равнополюсныя), или соотносительныя (коррелятивныя) понятія.

§ 9. Подчиненныя, раздѣлительныя понятія.

Какъ подлѣ разнородныхъ предметовъ существуютъ

---

ter выражаютъ представленіе о раздвоеніи, т. е., полагать на двое. Нѣмецк. *zweifeln* происходитъ отъ *zwei*, а франц. *douter* отъ латинск. *dubitare*, а это послѣднее отъ *duo* (два). (Истор. Грамм. русск. яз. Ө. Буслаева изд. 3, Сиб. стр. 50).

в однородные, такъ и подлѣ несходныхъ понятій существуютъ такія, которыя могутъ быть сравниваемы. Но, очевидно, что сравниваться они могутъ въ различной степени. Высшую мѣру въ этомъ отношеніи представляютъ намъ равнозначащія (равнополюсныя) понятія, которыя совсѣмъ не имѣютъ противоположныхъ признаковъ, а скорѣе могутъ обоюдно замѣнять другъ друга всѣмъ своимъ содержаніемъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ они и различаются между собою, если одно, или каждое изъ сравниваемыхъ понятій имѣетъ *свойственный только ему* признакъ.

Если изъ двухъ понятій одно, имѣя всѣ признаки другаго, кромѣ того содержитъ въ себѣ еще свои особенныя, то оно является подчиненнымъ тому другому понятію. Въ такомъ отношеніи находится, напр., понятіе: пятиугольникъ къ понятію: многоугольникъ; понятіе: глаголь—къ понятію: слово; понятіе: камень—къ понятію: тѣло; понятіе: зеленый—къ понятію: цвѣтъ; понятіе: наставленіе—къ понятію: воспитательныя средства. Такое подчиненіе (субординація) одного понятія другому можетъ быть представляемо въ видѣ круга, который заключается въ другомъ. А именно: объемъ подчиняющаго понятія больше, чѣмъ подчиненнаго ему, и объемъ послѣдняго всецѣло входитъ въ объемъ перваго. Поэтому, подчиняющее понятіе называютъ болѣе широкимъ, а также болѣе высшимъ (абстрактнымъ), а подчиненное—болѣе узкимъ, низшимъ (конкретнымъ). Сумма признаковъ извѣстнаго понятія называется величиною его содержанія, а сумма представ-

лений, которыя составляютъ содержаніе понятія, — величиною его объема. Поэтому, касательно понятій, которыя относятся другъ къ другу, какъ подчиняющее къ подчиняемому, можетъ быть принято за правило, что *чѣмъ болѣе содержаніе, тѣмъ менѣе объемъ, и чѣмъ менѣе объемъ, тѣмъ болѣе содержаніе*. Понятіе: тѣло по объему больше понятія: камень; а понятіе: камень имѣетъ болѣе объемъ, чѣмъ понятіе: гранитъ. Потому что, кромѣ камней, къ тѣламъ принадлежатъ также металлы, дерево, кости вода, атмосферный воздухъ и т. д.; а къ камнямъ, помимо гранита, принадлежатъ серпентинъ, каменная соль, глинистый сланецъ, порфиръ и т. д. Наоборотъ, содержаніе понятія: тѣло менѣе, чѣмъ содержаніе понятія: камень; а содержаніе понятія: камень менѣе, чѣмъ содержаніе понятія: гранитъ. Потому что, кромѣ признаковъ: протяженности, тяжести, свѣжности, дѣлимости и т. д. къ содержанію понятія: камень принадлежатъ еще признаки: твердый, жесткій, минеральный; къ содержанію же понятія: гранитъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ признаковъ, принадлежитъ еще то, что онъ составное тѣло и притомъ состоитъ именно: изъ полевого шпата, кварца и слюды, что онъ имѣетъ кристалловидное зернистое строеніе и т. д. Далѣе, объемъ понятія: воспитательныя средства болѣе, чѣмъ объемъ понятія: наказаніе; а понятіе: наказаніе по объему болѣе понятія: выговоръ. Потому что, кромѣ наказаній, къ воспитательнымъ средствамъ принадлежатъ также наставленіе, примѣръ, награда и т. д.; а къ наказаніямъ, кромѣ

выговора, принадлежать: ограниченіе свободы, штрафныя работы, тѣлесныя собственно наказанія и т. д. Но по содержанию понятіе: наказаніе сложнѣе понятія: воспитательныя средства; а понятіе: выговоръ имѣеть большее содержаніе, чѣмъ понятіе: наказаніе. Потому что, будучи вообще воспитательнымъ средствомъ, наказаніе, кромѣ того, имѣеть тотъ свойственный именно ему признакъ, что вызываетъ чувство *непріятнаго*, а выговоръ, кромѣ того, что онъ есть вообще наказаніе, имѣеть тотъ свойственный исключительно ему признакъ, что онъ дѣлается посредствомъ *слова* и т. д.—Спрашивается: какъ относятся другъ къ другу слѣдующія понятія: человекъ, европеецъ, славянинъ и русскій?

Два понятія, имѣющія между собою единство (тождество) въ нѣкоторыхъ частяхъ своего содержанія, но по сферамъ (объемамъ) своимъ вполне различныя, называются *раздѣлительными* понятіями. Хотя, благодаря общимъ (идентичнымъ) своимъ признакамъ, они объединяются въ высшемъ понятіи, но въ то же время, благодаря своимъ особеннымъ (отличительнымъ) признакамъ, они распадаются на отдѣльные виды, почему и называются также *специфически-различными*. Таковы, напр. (раздѣлительныя, специфически-различныя) понятія: четверугольникъ и пятиугольникъ, четверугольникъ и кругъ, глаголь и предлогъ, море и рѣка, вода и дерево, лягушка и млекопитающее животное, золото и кислородъ, зеленый и черный, круглый и

угольный, вычитаніе и возвышеніе въ степень, магнетизмъ и тяжесть, мускуль и нервъ, обученіе и привычка.

§ 10. Соподчиненіе, противоположность и перефрещиваніе понятій.

Раздѣлительныя понятія, которыя одинаково подчиняются одному и тому же высшему понятію, по отношенію другъ къ другу называются *соподчиненными* (*координированными*) понятіями, напр.: золото, серебро, платина, мѣдь и т. д., желтый, красный, зеленый и т. д., секунда, терція, кварта и т. д., похвала, упрекъ, предостереженіе, угроза и т. д., мальчикъ и дѣвочка, эпическій и лирический.—Спрашивается: какое высшее (родовое) общее понятіе можетъ быть найдено для каждой изъ указанныхъ группъ понятій? И далѣе: насколько являются несоподчиненными между собою такія сходныя понятія, какъ: рыба и животное, мальчикъ и ученикъ, характеръ и нравственность; затѣмъ, такія раздѣлительныя понятія, какъ: гранить и мѣдь, треугольникъ и кругъ, наказаніе и наставленіе?—Соподчиненіе понятій можно выразить нагляднымъ образомъ посредствомъ двухъ или болѣе круговъ, которые лежатъ внѣ другъ друга, но всѣ обнимаются инымъ бѣльшимъ кругомъ.

Различныя между собою, но соподчиненныя понятія, по болѣе части, называются *противоположными* или *діаметрально-противоположными*.—Таковы, напр.

понятія: горизонтальный и вертикальный, востокъ и западъ, бѣлый и черный, красный и фиолетовый, добрый и злой, младенецъ и старикъ и т. п. Въ этомъ случаѣ мы всегда встрѣчаемъ между соподчиненными понятіями посредствующіе члены; а именно; между горизонтальнымъ и вертикальнымъ есть множество различного рода *наклонныхъ* линій; между востокомъ и западомъ находится не югъ только, или сѣверъ, но и сѣверо-западъ, сѣверо-востокъ и т. д.; между бѣлымъ, полнымъ (смѣшаннымъ изъ всѣхъ цвѣтовъ) свѣтомъ (между наибольшою ясностію) и чернымъ, положительнымъ отсутствіемъ свѣта (полной темнотой) находятся безчисленные переходы; между краснымъ (цвѣтомъ, который имѣетъ самое незначительное число колебаній эфира) и фиолетовымъ, (который состоитъ изъ самаго большаго числа колебаній эфира) лежатъ остальные призматическіе цвѣта.—Подобнымъ образомъ слѣдуетъ разсматрѣть и другія вышеприведенныя пары понятій, имѣя въ виду слѣдующія вопросы: какое родовое понятіе можетъ быть найдено для каждаго изъ нихъ? Какія видовыя понятія лежатъ между этими противоположностями? Впрочемъ, нѣтъ особенной надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проходить мыслью весь рядъ соподчиненныхъ понятій для того, чтобы достигнуть вполне противоположныхъ понятій. Соответственно связи текущихъ мыслей, нерѣдко берутъ только два понятія, опуская изъ виду всѣ остальные, и разсматриваютъ ихъ, какъ диаметрально-противоположныя, — даже и въ томъ случаѣ, если они вполне от-

личны другъ отъ друга лишь по одному опредѣленно-му признаку, напр. понятія: покой и движеніе, знаніе и забвѣна, правильный и ложный, развитіе и сооб-щеніе знаній (эвристическій и догматическій методъ), правило и примѣръ. Полную противоположность мож-но представить нагляднымъ образомъ, нарисовавъ двѣ половины одного и того же круга такъ, чтобы онѣ точь лежали другъ противъ друга.

Если изъ двухъ понятій одно только отрицаетъ то, что утверждаетъ другое, то они по такому взаи-мому отношенію называются *отрицательно-противо-положными* понятіями, напр.: черное и не-черное, врожденное и не-врожденное, виновный и не-виновный. Отрицательно-противоположныя понятія относятся другъ къ другу, какъ относится кругъ ко всему, что въѣ его. Это послѣднее не опредѣляется по своему существу, а есть простое отрицаніе, между тѣмъ какъ въ пол-ной противоположности сущность обоихъ понятій опре-дѣляется положительно.

Что касается до объема понятій, то мы укажемъ здѣсь еще особую сторону. Мы видѣли, что равновна-щія понятія вполне совпадаютъ другъ съ другомъ по объему, что подчиненныя понятія всецѣло обни-маются подчиняющими ихъ понятіями, что раздѣли-тельныя (слѣдовательно, и соподчиненныя, и противо-положныя) понятія совершенно исключаютъ другъ дру-га. Но остается еще тотъ случай, когда сферы (объ-емы) двухъ понятій лежатъ отчасти отдѣльно другъ отъ друга, а отчасти одна въ другой, — иными словами:

„перешрещиваются“. Въ такомъ отношеніи находитса, напр. понятія: главнокомандующій и вълѣя понятіемъ глава государства; такъ какъ, по смислу исторіи, нѣкоторые военачальники вмѣстѣ были и правителями государства; но есть также и правители государства, которые не были главнокомандующими; равно, есть главнокомандующіе, которые не были правителями. Въ подобномъ же отношеніи стоятъ между собою понятія: параллелограммъ и правильный четырехугольникъ, морская экспедиція и путешествіе съ цѣлю открытій, школа и воспитательное учрежденіе, отецъ и учитель, народныя сказанія и эпосъ, нравскеръ и нравственность; мальчикъ и ученикъ и ив. др. Перекрещиваніе двухъ понятій нагляднымъ образомъ можно представить въ видѣ двухъ круговъ, изъ коихъ каждый нѣкоторой частію входитъ во внутрь другаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯХЪ И РАЗДѢЛЕНІЯХЪ.

А. объ опредѣленіяхъ.

§ II. Сущность опредѣленій.

Отношенія понятій между собою тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть познаны, чѣмъ отчетливѣе определено каж-

дое изъ нихъ въ отдѣльности само по себѣ. Но изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что опредѣленіе понятія можетъ касаться или его содержанія, или объема его. Въ первомъ случаѣ объясненіе понятія со стороны содержанія называется опредѣленіемъ, во второмъ объясненіе его со стороны объема — раздѣленіемъ.

Опредѣленіе (дефиниція) понятія есть ясное, опредѣленное и полное изложеніе его содержанія (существенныхъ признаковъ). Но каждое опредѣляемое понятіе заключаетъ въ себѣ два элемента:—во—первыхъ, тотъ, который въ одинаковой мѣрѣ имѣютъ и данное понятіе и соподчиненныя съ нимъ понятія; слѣдовательно, это такой элементъ, который производитъ болѣе высшее (родовое) понятіе; во-вторыхъ, тотъ, который свойственъ только данному понятію, и слѣдовательно, это такой элементъ, который отличаетъ его, какъ видовое понятіе, отъ соподчиненныхъ съ нимъ понятій. — Сообразно съ этимъ и строго логическое опредѣленіе должно заключать въ себѣ ни больше, ни меньше, какъ указаніе на болѣе высшее родовое понятіе (*genus proximum*) и указаніе на видовое отличие (*differentia specifica*).

Сущность дѣла можно объяснить примѣрами. *Рыбой* называется плавающее позвоночное животное, которое имѣетъ холодную кровь, живетъ въ водѣ, дышитъ жабрами. Здѣсь выраженіе «позвоночное животное» указываетъ на родовое понятіе, (въ которомъ заключаются признаки: внутренній скелетъ, центральная нервная система, красная кровь и т. д.); все же ос-

тальное въ сложности указываетъ на видовое отличіе, т. е., на признаки, которые отличаютъ рыбу отъ млекопитающаго, птицы и амфибіи. *Планеты* суть звѣзды, которые вращаются по орбитамъ около солнца и освѣщаются имъ. Спрашивается: что здѣсь указываетъ на родовое понятіе, и какіе признаки въ немъ заключаются? Какія опредѣленія даютъ видовыя отличія и, судя по нимъ, какія должны быть исключены отсюда соподчиненныя понятія? — «Если какое-нибудь общее нравственное положеніе мы приложимъ къ извѣстному отдѣльному случаю, выдадимъ этотъ случай за дѣйствительный и сочинимъ о немъ какой-нибудь рассказъ, изъ котораго нагляднымъ образомъ можетъ быть понято взятое общее положеніе; то подобное произведеніе фантазіи называется басней» (Лессингъ). Предлагается уяснить себѣ это опредѣленіе понятія соответственно двумъ указаннымъ выше элементамъ каждаго понятія. — Подчинять собственную волю волѣ другого значить *повиноваться*. Слѣдовательно, понятіе: послушаніе есть понятіе отношенія и притомъ понятіе отношенія именно въ области *воли*; слѣдовательно, въ сферѣ *одной* воли выражаемаго даннымъ понятіемъ отношенія не можетъ быть, такъ какъ оно выражаетъ отношеніе между *различными* волями; отношеніе же это состоитъ не въ превышеніи (господствѣ), а также и не въ равновѣсіи съ другими волями (согласіи и противорѣчіи), но именно въ подчиненіи (повиновеніи). — Такимъ же образомъ можно опредѣлять и другія по-

нати,—напр.: понятія: птица, горный хребетъ, квадратъ, параллелограмъ, драма, память и т. п.

Вообще, содержаніе опредѣляемаго понятія разсматривается какъ уже *отъвое* данное. Но признами понятія также можно уяснить себѣ, представляя *происхожденіе* предмета. Въ такомъ случаѣ получается такъ-называемое *генетическое* опредѣленіе. Примѣромъ этого рода опредѣленій можетъ служить вышеприведенное объясненіе Лессингомъ басни. Примѣромъ генетическаго же опредѣленія могутъ служить и слѣдующія: округностью круга называется такая вривая линія, которая образуется въ томъ случаѣ, когда одна точка движется въ одной и той же плоскости около другой точки въ постоянно одинаковомъ разстояніи отъ нея,—до тѣхъ поръ, пока слова не достигнетъ пункта, съ котораго она начала двигаться; если въ характерѣ какой-нибудь личности соединятся такія свойства, какъ желчное настроеніе, эгоизмъ и наклонность обсуждать («критиковать») дѣйствія другихъ, то при этихъ условіяхъ происходитъ тотъ нравственный порокъ, который мы называемъ злостью. — Иногда, въ генетическомъ опредѣленіи понятій совсѣмъ нѣтъ и намекъ на родовое понятіе, потому что оно предполагается извѣстнымъ,—напр.: *понятія* образуются тогда, когда въ сознаніи общіе признаки многихъ представлений соединяются между собою, а разнородные выдѣляются и не создаются; *роса* является въ томъ случаѣ, когда во время ночи, при свѣтломъ небѣ, тѣла, лежація на поверхности земли, испускають изъ себя въ видѣ лучей свою теплоту и

благодаря этому настолько охлаждаются, что водные пары, которые находятся въ окружающемъ ихъ воздухѣ, не могутъ уже оставаться въ прежнемъ парообразномъ состояніи: (сгущаются), падаютъ въ видѣ капель.

§ 12. Отношеніе опредѣленій къ познанію.

Относительно степени глубины, съ какою опредѣленія исчерпываютъ опредѣляемое, различаютъ *объясненіе вещей* (реальныя опредѣленія, называемыя также *объясненіями понятій*) отъ *объясненія именъ и словъ* (номинальныя и вербальныя опредѣленія). Первые входятъ въ сущность вещи глубже, — и потому должны быть полнѣе послѣднихъ. А именно: реальное опредѣленіе не просто только излагаетъ то, что мыслится, или должно быть мыслимо подъ извѣстнымъ понятіемъ, но ставитъ и самое понятіе въ связь съ дѣйствительностію, т. е. съ мыслимымъ предметомъ; такъ какъ реальное опредѣленіе въ этомъ случаѣ указываетъ именно на то дѣйствительное (фактъ, явленіе, предметъ) или возможное, *отъ чего* самое понятіе получаетъ и свое значеніе и возможность быть предметомъ мышленія. — Примерами могутъ служить встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ *Лессинга* разъясненія понятія: басня, конечный результатъ которыхъ сведенъ въ вышеприведенномъ опредѣленіи (§ 10) ¹⁾; далѣе, многочисленныя опредѣленія

¹⁾ Для примѣра можетъ служить объясненіе понятія: «сентиментальность», сдѣланное А. Д. Галаховымъ въ его «Исторіи русской словесности» (т. 2, стр. 126—128.). Остается лишь свести всѣ раскрытыя признаки этого понятія въ одно сужденіе (опредѣленіе).

понятій, котормя встрѣчаются въ научныхъ сочиненіяхъ всякаго рода. И дѣйствительно, обстоятельное уразумѣніе содержанія и значенія таковыхъ, напр., понятій, какъ: растение, процессъ питанія, вѣточка и т. д., звукъ, барометръ, краска и т. д., чувство, характеръ, воля и т. п., попеченіе о дѣтахъ, методъ обученія, образованіе характера и т. д., можетъ быть достигнуто не иначе, какъ только при помощи сосредоточеннаго и всесторонняго изслѣдованія относящихся сюда самихъ предметовъ. Въ этомъ и состоитъ задача отдѣльныхъ наукъ,—вотъ почему онѣ и должны быть изучаемы, если хотимъ достигнуть живаго знанія. Въ очень многихъ случаяхъ для этой цѣли достаточно и одного генетическаго способа, изслѣдующаго *происхожденіе* вещей.

Конечно, тамъ, гдѣ существованіе и сущность вещи не подлежатъ сомнѣнію, для объясненія вещи довольно указать на характеристическіе признаки ея, родовые и видовые,—какъ напр. въ вышеприведенныхъ опредѣленіяхъ. Но самыя понятія—и слѣдовательно опредѣленія—не даютъ еще сами по себѣ ручательства за существованіе и свойства *вещей*: во всѣ времена находились въ оборотѣ такія понятія, котормя считались выражающими собою знанія о предметахъ и явленіяхъ дѣйствительнаго міра, и однакожь или отчасти, или всецѣло относились въ области фантазіи. Мифологіи различныхъ народовъ, исторія культуры и наукъ представляютъ множество доказательствъ въ подтвержденіе этого факта. Даже въ «*Orbis pictus*» *Амоса Коменія*, въ главѣ: «о змѣяхъ

и гадахъ» находятся такія мѣста: «саламандра живеть въ огнѣ, драконъ, крылатая змѣя, умерщвляетъ дыханіемъ, василискъ глазами.» — И до сихъ поръ еще многіе думаютъ, что умѣютъ точно опредѣлить «врожденные силы души»: рассудокъ, разумъ, воображеніе, гений и т. д., не давая себѣ отчета о составныхъ свойствахъ и сущности духовныхъ силъ. Такимъ образомъ, многіе пробавляются одними только опредѣленіями именъ и подлагаютъ подъ нихъ извѣстныя произвольныя мнѣнія, совершая своего рода умственный подлогъ.

Понятія, содержаніе которыхъ уже опредѣлено наукой или, по крайней мѣрѣ, общепризнанными мнѣніями, называются *данными* готовыми понятіями; тѣ же понятія, содержаніе которыхъ только что устанавливается посредствомъ опредѣленій, — называются понятіями изобрѣтенными (созданными, придуманными). Разумѣется, подобное различіе — чисто относительное различіе, потому что всѣ вообще понятія непременно когда-нибудь да были только что изобрѣтены; и наоборотъ, изобрѣтенное понятіе, по мѣрѣ того какъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утверждается и развивается, переходитъ, наконецъ, въ разрядъ понятій, составляющихъ всеобщее достояніе (готовыя, данныя понятія). — Опредѣленіе такого «даннаго понятія» называютъ *аналитическимъ* (разчленяющимъ), а опредѣленіе, вносящее въ сознаніе человѣка совершенно новое понятіе, называется опредѣленіемъ *синтетическимъ* (слагающимъ). Первое имѣетъ въ виду только нома-

затѣ, что, судя по словупотребленію, разумѣется подъ известнымъ рѣченіемъ; а послѣднее ставитъ своею задачею или замѣнить ложные продукты мышленія правильными, или пополнить пробѣлъ въ области знаній. Ясно, что при этомъ нерѣдко встрѣчаются и такіе случаи, когда отчасти удерживается прежнее содержаніе понятія, а отчасти дополняется новыми признаками; тогда опредѣленіе, очевидно, становится частью аналитическимъ, а частью синтетическимъ. Что же касается собственно *элементовъ* мышленія, то они рѣшительно никогда не могутъ быть вымышлены; всегда они должны быть даны (въ воспріятіяхъ): только способъ *соединенія* ихъ и *составленія* изъ нихъ понятій можетъ быть вполне оригинальнымъ, можетъ даже приводить въ такимъ понятіямъ, которымъ не соответствуетъ ни одинъ реальный предметъ. Этимъ объясняется и то, почему въ прежнее время считались объективными, т. е. относящимися къ міру действительности, такія представленія, какъ: элисейскія поля, сирены, вѣдьмы, алхимія, астрологія и мн. др., отчасти уже приведенныя выше. Такимъ образомъ, хотя и должно быть крайне осторожнымъ при образованіи синтетическихъ понятій, всетаки имъ исключительно обязаны мы всѣми человѣческими изобрѣтеніями и многими успѣхами въ наукахъ. Науки во всѣ времена при объясненіи явленій міра всегда нуждались въ изобрѣтенныхъ понятіяхъ. Къ этого рода понятіямъ принадлежатъ въ настоящее время такія понятія какъ: притяженіе міровыхъ тѣлъ, свѣтовой

эфиръ, атомы и мн. др. Нужно замѣтить и то, что изобрѣтенныя понятія иногда называютъ понятіями ограниченія, хотя, строго говоря, ограниченіе есть только ближайшее опредѣленіе общаго понятія, слѣдовательно, составляетъ противоположность абстраціи.

§ 13. Требования отъ опредѣленій.

Отъ надлежащаго опредѣленія требуютъ прежде всего, чтобы оно было *соразмѣрно* съ объясняемымъ понятіемъ (*definitio adaequata*); чтобы оно совершенно исчерпывало его содержаніе. Поэтому, оно не должно подчинять послѣдняго чуждому родовому понятію, но вмѣстѣ съ этимъ должно заключать въ себѣ ни больше, ни меньше, какъ столько видовыхъ признаковъ, сколько ихъ заключается въ объясняемомъ понятіи. Если, напр., сказать со *Шварцемъ*¹⁾, что «воспитаніе есть развитіе человѣчества подъ божественнымъ водительствомъ», то опредѣленіе, очевидно, не достигаетъ цѣли. Если въ опредѣленіе вносится такой признакъ, который не принадлежитъ объясняемому понятію, то оно будетъ неправильнымъ. Далѣе, если въ опредѣленіи будетъ указанъ признакъ несущественный, то опредѣленіе будетъ слишкомъ узко (спеціально); потому что въ такомъ случаѣ обнимало бы только часть всей относящейся сюда сферы понятія. А если въ опредѣленіи будутъ опущены существенныя признаки, тогда

¹⁾ Авторъ сочиненія: «Руководство къ воспитанію и обученію», пер. съ нѣмец. С. Н. Шафрановымъ. СПб. 1867 г.

оно явится слишкомъ широкимъ (общимъ); потому что въ такомъ случаѣ будетъ приложимо къ большому объему представленій, чѣмъ сколько ихъ подчиняется известному понятію. Спрашивается: на какомъ основаніи—судя по вышеизложенному—не должны быть опускаемы въ понятіи: *квадратъ*—признаки: равносторонность, прямоугольность; а въ опредѣленіи понятія: *оцитаніе*—признакъ: намѣренность? Почему не должны входить въ опредѣленіе понятія: *планета*—тотъ признакъ, что онѣ «окружены спутниками», или въ опредѣленіе понятія: *поэтическое произведеніе*—тотъ признакъ, что оно «написано стихами», или въ опредѣленіе понятія: *стихъ*—признакъ: рима?

Далѣе, опредѣленіе должно быть строго ограниченнымъ (точнымъ), не должно указывать на несущественное, или заключить въ себѣ то, что уже заключается въ одномъ изъ упомянутыхъ прежде признаковъ. Равнымъ образомъ, нельзя при опредѣленіи пользоваться такими понятіями, которыя сами еще требуютъ объясненія; въ такомъ случаѣ оно останется неяснымъ.—Въ особенности не должны быть опредѣляемы *обоюднo*—одно *другимъ* два понятія, изъ которыхъ составляется такое предложеніе, въ которомъ смыслъ подлежащаго опредѣляется сказуемымъ, а смыслъ сказуемаго, наоборотъ, опирается на подлежащемъ. Мышленіе въ этомъ случаѣ колеблется, не достигая цѣли. Когда говорятъ напр., что величина есть нѣчто, подлежащее увеличенію и уменьшенію—и наоборотъ: увеличеніе есть прибавленіе, а уменьшеніе — отнятіе

части величины; или: жизненная сила есть внутреннее основаніе органическихъ процессовъ, и наоборотъ: внутреннее основаніе органическихъ процессовъ есть жизненная сила; или: то дѣйствіе законно, на которое имѣютъ право, и наоборотъ: на известное дѣйствіе имѣютъ право въ томъ случаѣ, когда оно не противозаконно,—то ясно, что такими опредѣленіями собственно ничего не уясняется: подобныя-то опредѣленія называютъ въ логикѣ *кругомъ въ опредѣленіи*, или круговымъ опредѣленіемъ.

Далѣе, требуется, чтобы опредѣленіе заключало въ себѣ только признаки *положительные*, утвердительно приписываемые понятію, (и ни одного отрицательнаго). Потому что только тѣ признаки входятъ въ объемъ понятія, которые оно дѣйствительно имѣетъ; а не тѣ, которыхъ оно не имѣетъ.—Примѣрами неудовлетворяющихъ этому требованію опредѣленій могутъ служить, напр., слѣдующія опредѣленія: летучая мышь не есть птица; точка есть то, что не имѣетъ частей; планеты суть звѣзды, которыя и проч., *и не свѣтятъ собственнымъ свѣтомъ*; рыбы суть позвоночныя животныя, которыя и проч. *и не живутъ на сушѣ*; параллельныя линіи суть такія линіи, которыя и проч. *и никогда не сходятся, какъ бы далеко ни были продолжены*.

Наконецъ, въ опредѣленіи не должно заключаться ни уподобленій, ни образныхъ выраженій. Примѣромъ опредѣленій, составленныхъ вопреки этому требованію, могутъ служить слѣдующія опредѣленія: горный хребетъ есть система костей земли; государство

есть человекъ въ увеличенномъ видѣ; вѣкъ героевъ есть вѣкъ дѣтства націй; совѣсть есть внутреннее судилище; добро есть солнце въ царствѣ идей; остроуміе есть не-рувоположенный служитель алтаря, который легкомысленно соединяетъ бравомъ каждую пару, ¹⁾ и т. д. Къ подобнымъ фигурамъ часто обращаются богатыя фантазіей, но неясно мыслящія головы, употребляя ихъ вмѣсто надлежащихъ опредѣленій; потому что «вѣдь, гдѣ не достаетъ идей (понятій), тамъ ихъ словами замѣняютъ». ²⁾ Строго же научныя опредѣленія во всякомъ случаѣ должны быть даваемы въ прямыхъ (прозаическихъ) выраженіяхъ.

§ 14. Несовершенство опредѣленія.

Указанныя требованія не всегда точно выполнены, и если бы безусловно считали ихъ вообще обязательными, то это обстоятельство значительно препятствовало бы успѣхамъ познанія. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что рѣшительно невозможно всѣ понятія опредѣлить точно. А именно: понятія, специфическое содержаніе которыхъ состоитъ только изъ одного признака, слѣдовательно, простые понятія, стро-

¹⁾ Остроуміемъ называется „способность сближенія предметовъ по ихъ внѣшнимъ и случайнымъ сходствамъ, незамѣтнымъ для обыкновеннаго взгляда, стремленіе къ метафорамъ, аллегоріямъ, поэтическимъ сближеніямъ (см. „Курсъ опытной психологіи“ И. Чистовича, стр. 135).—Примѣромъ блестяще-остроумной разработки темы объ отношеніи поэта къ обществу можетъ служить стихотвореніе Лермонтова: „Кинжалъ“.—

²⁾ Стихъ изъ „Фауста“, трагед. Гете.

го. говоря, не могутъ быть объяснены, т. е. посредствомъ опредѣленія признака. Это суть такія основныя понятія, которыя приобретаются посредствомъ воспріятій, а не создаются мышленіемъ. Таковы, напр. понятія: пространство, время, число, тонъ, вкусъ, отношеніе, матерія, сила, нѣчто, ничто, бытіе, происхожденіе, дѣйствіе, страданіе, свойство, красный, зеленый, бѣлый, вѣсь, тамъ, правый, лѣвый, да, нѣтъ и т. д. Правда, такія понятія можно описывать, обозначать различными выраженіями, ограничивать другими понятіями, прояснять примѣрами; можно указать, какъ они образуются въ людяхъ, что ихъ предполагаетъ, какое мѣсто занимаютъ они въ кругу нашихъ знаній (ислѣдованій). Но всѣ эти усилія мышленія не въ состояніи установить или создать собственно содержаніе понятія; они только какъ бы представляютъ сознанію это содержаніе, насколько оно, какъ готовое, уже заключается въ нихъ. Особенно затруднительнымъ бываетъ опредѣленіе тогда, когда дѣло идетъ о наиболѣе отвлеченныхъ понятіяхъ, для которыхъ по самой ихъ отвлеченности не легко найти родовое понятіе, если только не хотять довольствоваться абстрактнѣйшимъ понятіемъ неопредѣленнаго «нѣчто». На этомъ основаніи неудобно-опредѣлима и большая часть вышеприведенныхъ понятій. Противоположными такимъ *бѣднымъ* по содержанію понятіямъ являются *единичныя* представленія, которыя заключаютъ неисчерпаемое множество признаковъ и приэтомъ, не имѣя объема, не подчиняютъ себѣ никакихъ представленій. Поэтому и они также не могутъ

быть собственно опредѣляемы. Можно дѣлать только *описанія* единичныхъ предметовъ: описанія эти называются характеристикой, воль скоро ограничиваются точнымъ воспроизведеніемъ особенностей ихъ. Впрочемъ, едвали можно вполне исчерпать всѣ признаки одного недѣлимаго.

Всякій разъ, какъ только мы подходимъ къ точному опредѣленію нашихъ понятій, то все напоминаетъ намъ объ ограниченности человѣческаго знанія, о слабости мыслительной способности человѣка. — Трудно даже остаться вѣрнымъ требованіямъ логики, когда приходится опредѣлять, напр. такія понятія; какъ: добродѣтель, право, свобода, религія, красота, истина и т. д. Но какое опредѣленіе мы можемъ дать сущности свѣта, магнетизма, теплоты, человѣческой души и т. д. ? — Конечно, мы улыбаемся, когда простодушный Коменій говорить намъ, что «то растеніе, которое и болѣе и жестче травы, называется кустомъ»; или: «общее чувство, какъ начало всякаго познанія, ощущаетъ представляемые внѣшними чувствами существующіе предметы. Воображеніе изъ ощущаемыхъ вещей творитъ образы, связываетъ нѣкоторые предметы, мечтаетъ, имѣетъ различныя причуды. Память, которая въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ свойствъ мозга, сохраняетъ многія вещи и воспроизводитъ ихъ снова, нѣкоторые теряетъ: это послѣднее и есть забвеніе». Конечно, такія опредѣленія недостаточны и мы можемъ замѣнить ихъ лучшими. Но и до сихъ поръ еще требованія логики представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дости-

жимый идеалъ. Можно опредѣлять лишь настолько, насколько знаешь. Поэтому, самыя реальныя науки часто вынуждены довольствоваться недостаточно строгими, случайными, приближительными опредѣленіями (исслѣдованіями, изъясненіями) понятій. Что же касается духовныхъ предметовъ, то въ этой области знанія еще болѣе встрѣчается неопредѣленностей. — Въ такихъ случаяхъ, чтобы достигнуть по возможности вѣрнаго опредѣленія понятія и сдѣлать его очевиднымъ, нужно подыскивать къ нему примѣры, принимать во вниманіе и рассматривать его видовыя понятія, сравнивать съ родственными и противоположными понятіями, выдѣлять чуждыя примѣсы, устранять недоразумѣніе и т. п.

Но если во многихъ случаяхъ и при самомъ строжайшемъ изслѣдованіи вполне удовлетворительное опредѣленіе понятія оказываются недостижимымъ, все-таки слѣдуетъ остерегаться поспѣшности при опредѣленіи понятій; потому что вполне удовлетворительное опредѣленіе нерѣдко требуетъ многосторонней подготовки. Въ практикѣ же преподаванія и то, что въ строго логическомъ опредѣленіи являлось бы излишнимъ, или даже ошибочнымъ, въ элементарномъ мышленіи очень часто можетъ имѣть существенное и плодотворное значеніе. Конечно, чистое опредѣленіе планеты не говоритъ о шарообразномъ видѣ, о времени круговращенія, о синеватомъ, или желтоватомъ свѣтѣ этихъ звѣздъ; чистое опредѣленіе рыбъ не указываетъ на различія по скелету, плавникамъ, по мѣстожительству. Однако, подобные признаки не

должны быть опускаемы, если желательно достигнуть живаго знанія вещей. Далѣе, безспорно, что прѣстыя объясненія наименованій и словъ не даютъ ни какого совершеннаго познанія; но часто очень полезными бывають, какъ наводящія указанія, а иногда даже и совершенно необходимыми для того, чтобы предупредить заблужденіе, въ которое могло бы ввести буквальный значеніе невѣстнаго выраженія. Прииѣромъ послѣдняго рода выраженій могутъ служить слѣдующія: ощущеніе, воспріятіе, представленіе, понятіе, сужденіе и т. д.; или: мышь, летучая мышь и т. п. ¹⁾ Наконецъ, для подготовки въ усвоенію, или для отчетливаго пониманія невѣстнаго строго точнаго опредѣленія часто могутъ быть полезны образныя, равно какъ и отрицательныя опредѣленія понятій: это можно видѣть на вышеприведенныхъ прииѣрахъ. Нельзя безусловно отвергать даже пользу тавтологій, потому что иногда онѣ служатъ хорошимъ, а быть-можетъ и единственнымъ средствомъ прояснить въ нѣкоторой степени темное понятіе. Коротче: въ процессѣ познавательной дѣятельности равносудна можно и должно пользоваться всѣми формами мышленія, какія только способствуютъ составленію ясныхъ и отчетливыхъ понятій.—Законы же логики суть собственно указанія, которыя научають насъ, какъ

¹⁾ Такъ напр. въ небольшемъ стихотвореніи Пушкина: „Трудъ“ выраженіе: *трудъ* въ словахъ перваго стиха: „оконченъ мой трудъ многолѣтній“, очевидно имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ какое имѣетъ это же выраженіе въ словахъ шестаго стиха: „илъ жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи“ и проч. А между тѣмъ, отъ пониманія этого выраженія зависитъ пониманіе цѣлаго произведенія.—

можно отличать ложь от истины, несущественное от существеннаго, недостатокъ отъ совершенства, — слѣдовательно, направляютъ къ цѣли мышленія; но это не значитъ, что изъ нихъ слѣдуетъ сплести схоластическую сѣть педантическихъ предписаній, опутывающихъ и разслабляющихъ мышленіе.

В. О раздѣленіяхъ.

§ 15. Сущность раздѣленій.

Для точнаго опредѣленія понятія мы должны расчленять не одно только его содержаніе, а также и объемъ его. Но еслибы мы захотѣли *пересчитать* всѣ отдѣльные предметы, принадлежащіе въ одному извѣстному роду, то въ большинствѣ случаевъ мы не въ состояніи были бы ни перебрать всѣхъ до послѣдняго предмета, ни обозрѣть ихъ въ извѣстномъ стройномъ порядкѣ. Чтобы овладѣть массой своихъ представленій, мы должны группировать ихъ, раздѣлять.

Раздѣленіе (Divisio) есть полное перечисленіе видовъ рода, или—что то же—разложеніе объема понятія на его части, или полный перечень понятій, подчиненныхъ какому-нибудь одному понятію, и поэтому между собою соподчиненныхъ. Объемъ раздѣляемаго понятія называется *цѣлымъ*, а части его, или видовыя понятія раздѣляемаго родоваго понятія—*членами* дѣленія. Раздѣленіе можетъ имѣть два, три и болѣе

членовъ и сообразно съ этимъ называется *дихотоміей*, или *трихтоміей*, или *политоміей*.

Обращаемся къ примѣрамъ. Литература состоитъ изъ произведеній прозаическихъ и поэтическихъ; всѣя раздѣляются на обыкновенныя и десятичальныя; животныя — на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ; тѣла въ природѣ — на органическія и неорганическія; углы — на острые, прямыя и тупыя; къ параллелограммамъ принадлежатъ квадратъ, продолговатый (прямоугольный) четырехугольникъ, ромбъ и ромбоидъ; къ позвоночнымъ — млекопитающія, птицы, амфибіи и рыбы; люди принадлежатъ или къ кавказской, или къ монгольской, или къ индѣйской, или къ эеіопской, или къ малайской расамъ; поэтическія произведенія раздѣляются на эпическія, лирическія, драматическія, дидактическія и т. п.; міровыя тѣла — на неподвижныя звѣзды, планеты, спутники, кометы и аэролиты.

Точка зрѣнія, т. е. тотъ признакъ раздѣляемаго понятія, на основаніи котораго производится самое дѣленіе, называется *началомъ* раздѣленія (*fundamentum, principium divisionis*). И такъ какъ одинъ и тотъ же признакъ понятія можетъ выражаться въ очень различныхъ формахъ, то сообразно съ этими видоизмѣненіями его является возможность различать различныя части даннаго цѣлаго, различные виды одного и того же рода.

Если раздѣленіе производится на основаніи одного только признака (на основаніи простаго начала дѣленія), то оно называется *искусственнымъ*; и наобо-

ротъ, когда одновременно берутся многіе признаки (отличительныя черты) раздѣляемыхъ предметовъ, тогда получается раздѣленіе *естественное*. Предлагается рассмотреть съ этой точки зрѣнія выше приведенные примѣры. Говоря вообще о томъ и другомъ раздѣленіи, можно сказать, что искусственныя раздѣленія имѣютъ то преимущество, что ихъ легче и составить и обозрѣть; между тѣмъ какъ естественныя раздѣленія хотя и труднѣе, за то доставляютъ многостороннія свѣдѣнія. Конечно, хотя и менѣе легко для обозрѣнія такое раздѣленіе, напр. млекопитающихъ, какъ: на четвероногихъ, рукокрылыхъ, хищныхъ, сумчатыхъ, неполнозубыхъ, толстокожихъ, одноопытныхъ, жвачныхъ, ластоногихъ, рыбообразныхъ и т. п.; но за то оно болѣе плодотворно, чѣмъ простое раздѣленіе по органамъ движенія или по другимъ какимъ-нибудь точкамъ зрѣнія. Это же замѣчаніе примѣняется и къ естественной системѣ растений въ противоположность искусственной. Точно также и при разсужденіяхъ о предметахъ духовнаго міра не должно педантически связывать себя какою-нибудь искусственною схемою, если желательно достигнуть основательнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто же не знаетъ по собственному опыту—какъ разнообразны состоянія человѣческой души и произведенія ея дѣятельности, и въ сколькихъ различныхъ пунктахъ соприкасаются между собою такіа акты, какъ ощущенія, стремленія, представленія и т. д.? Нѣтъ никакихъ основаній желать, чтобы при-

кладная логика была менѣе сложна, чѣмъ природа познаваемыхъ явленій.

§ 16. Частныя дѣленія, подраздѣленія, сложныя раздѣленія.

Объемъ понятія допускаетъ столько раздѣленій, сколько въ понятіи находится признаковъ. Различныя раздѣленія одного и того же понятія по *равнозначущимъ* признакамъ называются частными раздѣленіями; число членовъ такого раздѣленія можетъ быть одинаково и не одинаково. Напр., параллелограммы могутъ быть раздѣляемы на равносторонніе и неравносторонніе, а также и на равноугольные и неравнугольные; тѣла — на твердыя, капельножидкія, газообразныя, но также на простыя и сложныя; жители извѣстнаго государства могутъ быть раздѣляемы по поламъ, но также и по возрастамъ, національностямъ, вѣроисповѣданіямъ, роду дѣятельности и т. п. Понятно, что разнообразныя раздѣленія одного и того же круга знаній много содѣйствуютъ тому, чтобы показать рассматриваемые предметы съ различныхъ сторонъ и такимъ образомъ, невзначай дѣятельности сообщаютъ высшую степень ясности и отчетливости.

Когда добытыя посредствомъ раздѣленія члены дѣленія (видовыя понятія), снова разлагаются (на низшія видовыя понятія), то получаютъ подраздѣленія. Дѣленіе, состоящее изъ главныхъ членовъ дѣленія и подраздѣленій, и выполненное съ строгой

точностью, называется *классификацией*. Типовы, напр. иероглифическія раздѣленія царства животныхъ, растений и минераловъ, частей рѣчи, родовъ поэзіи, душевныхъ способностей, учебныхъ учреждений и т. д. Здѣсь, какъ и во всѣхъ вообще раздѣленіяхъ, поступаютъ послѣдовательно, идя отъ высшихъ представленій къ низшимъ, отъ общаго къ частному, между тѣмъ какъ понятіе ближе опредѣляется чрезъ постепенное присовокупленіе новыхъ признаковъ, а чрезъ это раскрываются различные виды и подвиды рода. Само собою разумѣется, что классифицированіе нашихъ понятій должно соответствовать отличительнымъ свойствамъ самихъ раздѣляемыхъ предметовъ.

Когда раздѣленіе обнимаетъ собою весьма обширный кругъ предметовъ, то въ этомъ случаѣ, идя отъ абстрактнаго къ конкретному, для обозначенія разнообразныхъ отношеній соподчиненія понятій, пользуются такими терминами, какъ: царство, отдѣлъ, классъ, отрядъ, семейство, родъ, видъ и т. п. Конечно, не при каждомъ же случаѣ слѣдуетъ заботиться о построеніи такой схемы. Дѣлались даже попытки обнять въ указанномъ порядкѣ всю совокупность человѣческихъ представленій и символически называли такое схематическое зданіе понятій «пирамидой» знанія, — потому что въ вершинѣ ея, какъ высшее (всеобъемлющее) понятіе, ставили понятіе неопредѣленнаго «нѣчто», въ основаніи же — единичныя представленія. Но не должно забывать, что удовлетворительная классификація всего, что находится между единичнымъ представле-

ніемъ и самымъ общимъ понятіемъ, при недостаточности и ограниченности человѣческаго разума, есть недостижимый идеаль, — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

§ 17. Требования отъ раздѣленій.

Логически правильныя раздѣленія можно производить только въ строго ограниченной и достаточно изслѣдованной области знанія. Вообще же отъ раздѣленія, какъ и отъ опредѣленія, требуютъ, чтобы оно въ цѣломъ своемъ объемѣ было *соразмѣрно* (*divisio adaequata*) съ своимъ предметомъ, а въ частностяхъ было строго *опредѣленнымъ* (точнымъ) — другими словами, чтобы съ одной стороны члены дѣленія въ своей сложности равнялись цѣлому дѣлимому, а съ другой стороны — отдѣльные члены дѣленія строго исключали другъ друга, т. е., ни въ общемъ, ни въ частностяхъ не совпадали (не перекрещивались) другъ съ другомъ. Если въ число видовъ извѣстнаго рода будутъ помѣщены такіе предметы, у которыхъ нѣтъ родоваго признака и которые, поэтому, не принадлежать къ объему понятія, то во всѣхъ такихъ случаяхъ раздѣленіе будетъ слишкомъ *широкимъ*, какъ напр. въ томъ случаѣ, еслибы въ рыбахъ причисляли китообразныхъ животныхъ, или къ поробамъ — естественныя влеченія. Напротивъ, когда исключаютъ извѣстный видъ изъ его рода, какъ напр. китообразныхъ изъ млекопитающихъ, или: спутниковъ изъ міровыхъ тѣлъ, то подобнаго

рода раздѣленіе становится слишкомъ узкимъ, имѣющимъ пребѣлы. Оба недостатка могутъ встрѣчаться въ одномъ и томъ же раздѣленіи. *Песталоцци* утверждалъ, напр., что «всякое наше познаніе вытекаетъ изъ числа, формы и слова» ¹⁾, и потому всѣ чувственныя воспріятія раздѣлялъ на воспріятія числа, формы и слова: здѣсь съ одной стороны онущены изъ виду воспріятія цвѣтовъ, тоновъ, запаховъ и т. д., а съ другой стороны — *сло-еу* приписаны такія свойства, которыя не принадлежатъ ему, насколько оно есть лишь *выраженіе*, а не источникъ мысли. Далѣе, когда въ ряду членовъ одной схемы дѣленія стоятъ такія понятія, какъ: а) католикъ, б) протестантъ, в) еврей и д) славянинъ, или: а) эпосъ, б) драма и в) поэтическія произведенія, написанныя не-стихотворною рѣчью: то во всѣхъ такихъ случаяхъ, очевидно, одно начало дѣленія переопредѣляется съ другимъ, вслѣдствіе чего происходитъ повтореніе и запутанность. Причина этого заключается въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ оставляютъ

---

¹⁾ По мысли Песталоцци, отца и основателя новой педагогики († 1827 г.), вся сумма внѣшнихъ качествъ извѣстнаго предмета соединяется въ объемъ его и въ числовомъ отношеніи, и, выраженная въ словѣ, дѣлается собственностью сознанія. Этими тремя основными отношеніями: числомъ, формою и языкомъ, обуславливается, такимъ образомъ, все искусство нагляднаго обученія и требуетъ, чтобы во 1-хъ научить дѣтей обнять предложенный ихъ сознанію предметъ, какъ отдѣльную единицу, т. е. отличить его отъ другихъ, находящихся въ связи съ нимъ предметовъ; во 2-хъ, научить ихъ видѣть форму каждаго предмета, т. е. его мѣру и пространственныя отношенія и въ 3-хъ, какъ можно ранѣе ознакомить дѣтей со всѣмъ количествомъ словъ и названій всѣхъ извѣстныхъ имъ предметовъ. (Очеркъ исторіи воспитанія и обученія, сост. Л. Модзалевскій, выпускъ 2, стр. 515).

прежде принятое начало дѣленія и берутъ какое-нибудь другое; следовательно, смѣшиваютъ между собою члены нѣсколькихъ частныхъ дѣленій.

Едвали послѣ всего сказаннаго нужно замѣтить, что знаніе объема понятія стоитъ въ тѣсной связи съ знаніемъ его содержанія; следовательно, на столько же тѣсно связаны между собой и умѣнье образовывать правильныя раздѣленія и умѣнье дѣлать правильныя опредѣленія; потому что объемъ и содержаніе понятія взаимно другъ друга предполагаютъ. И дѣйствительно, недостаточное знакомство съ предметомъ обнаруживается какъ въ невѣрномъ пониманіи признаковъ, такъ и въ невѣрномъ опредѣленіи объема понятія. Подобное соотношеніе можно пояснить слѣдующими примѣрами, взятыми у *А. Коменія*: «между морскими рыбами китъ, говоритъ онъ, есть самая громадная, дельфинъ — самая проворная», или: «къ безобразнымъ людямъ (уродамъ) причисляются: люди съ большой головой, съ толстымъ носомъ, съ толстыми губами, съ толстыми щеками, раскосые, имѣющіе кривую шею, горбатые, люди съ остроковечной головой и плѣшивые».

§ 18. Расчлененіе.

Особенный видъ раздѣленія составляетъ такъ называемое *расчлененіе* (*Partitio*), т. е. разложеніе сложнаго понятія на его составныя части, соотвѣтственно со-

ставшимъ частямъ самого предмета, который мыслится въ понятіи. Такое расчлененіе мы находимъ, напр. у *А. Коменія*: «домъ раздѣляется—говоритъ онъ—на комнаты: въ немъ есть передняя, зала, кухня, чуланъ, столовая, погребъ, скарбня». Тотъ же Коменій все время воспитанія и обученія человѣка, начиная съ шестилѣтняго возраста, раздѣляетъ на четыре періода, причѣмъ различаетъ, соотвѣтственно имъ, четыре рода школъ: семейную (школу матери), народную, латинскую и высшую. Равнымъ образомъ, раздѣленіе всемирной исторіи на эпохи, на большіе и малые періоды есть ничто иное, какъ расчлененіе; этой же формой раздѣленія пользуются и въ томъ случаѣ, когда въ великомъ историческомъ событіи различаютъ причину, самый ходъ событія и его слѣдствія. Далѣе, въ значительномъ количествѣ расчлененія встрѣчаются въ географіи; такъ: всю земную поверхность раздѣляютъ на поясы,—далѣе: на материкъ и воду; материкъ—на страны свѣта, воду—на моря; мѣстности по различнымъ бассейнамъ и т. д. Этой же формой раздѣленія нерѣдко пользуются и въ другихъ областяхъ знаній; такъ напр.: поэму раздѣляютъ на пѣсни, драму—на акты и сцены; многоугольникъ—на треугольники, растеніе на его части и т. д. Далѣе, въ человѣкѣ различаютъ тѣло и душу; въ тѣлесномъ организмѣ—голову, туловище, члены; въ душѣ: умъ, чувство, волю. Благодаря такому расчлененію произошли различныя науки о человѣкѣ (анатомія, логика, психика и т. д.), а также раз-

дѣленіе науки воспитанія на ученіе о физическомъ воспитаніи, объ образованіи разсудка, характера и т. п. Расчлененіе школы на классы, арміи—на дивизіи, эскадроны, полки и роты, или на пѣхотерію, кавалерію, артиллерію и т. д., есть ничто иное, какъ тоже расчлененіе.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что началомъ раздѣленія въ расчлененіи служатъ *составныя части* предмета. Поэтому, расчлененія примѣнимы только въ такимъ предметамъ, въ которыхъ можно различать извѣстныя части, или которые обнимаютъ извѣстную *совокупность* (систему) предметовъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что расчлененіе не только опредѣляетъ *объемъ* понятія, но вмѣстѣ проясняетъ и *содержаніе* его; такъ какъ оно останавливаетъ наше вниманіе на различныхъ частяхъ цѣлаго, а части предмета суть вмѣстѣ съ тѣмъ и признаки его. Что расчлененіе во многихъ случаяхъ можетъ производиться по *различнымъ* точкамъ зрѣнія, и что главныя части цѣлаго нерѣдко могутъ быть снова разлагаемы на болѣе мелкія,—этотъ вопросъ, въ виду вышесказанныхъ примѣровъ, не нуждается въ особомъ разъясненіи. Какъ расчлененіе, такъ и раздѣленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова (раздробленіе) должны быть равны каждое своему цѣлому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О СУЖДЕНИЯХ.

А. простые сужденія.

§ 19. Сущность сужденія.

Весьма трудно представить удовлетворительное объясненіе формы мышленія, извѣстной подъ именемъ сужденія. Причина такой трудности заключается въ великомъ разнообразіи сужденій. Для предварительнаго знакомства съ этой формой мышленія остановимъ наше вниманіе на нижеслѣдующихъ примѣрахъ, на которые мы будемъ ссылаться и при дальнѣйшемъ изложеніи ученія о сужденіяхъ:

№№ 1., Всѣ металлы суть простые тѣла.

2., Всѣ тѣла имѣютъ протяженность.

3., Солнечное затмѣніе всякій разъ случается при новолуніи.

4., Каждый параллелограммъ можетъ быть раздѣленъ діагональю на два равныхъ треугольника.

5., Астры цвѣтутъ лѣтомъ и осенью.

6., Гранитъ есть строительный матеріалъ.

7., Склонности проистекаютъ изъ ощущеній.

8., Квакеры не кланутся.

9., Дельфинъ не есть рыба.

10., Кротъ не слѣпъ.

- 11., Никакое понятие не врождено.
- 12., Многія болѣзни излѣчимы.
- 13., Нѣкоторыя вещества ядовиты.
- 14., Нѣкоторыя планеты имѣютъ спутниковъ
- 15., Многія млекопитающія не могутъ плавать.
- 16., Константинополь назывался въ древности Византіей.
- 17., Сократъ не хотѣлъ спастись бѣгствомъ.
- 18., Луна движется вкругъ земли.
- 19., Если треугольникъ равносторонній, то онъ и равноугольный.
- 20., Когда солнце достигаетъ высоты болѣе 42° , то не можетъ быть радуги.
- 21., Если исполнять всѣ желанія ребенка, то онъ сдѣлается своенравнымъ.
- 22., Кого не обвиняютъ, того и не судятъ.
- 23., Кто перестаетъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ развитіи, тотъ идетъ назадъ.
- 24., Пока земля будетъ освѣщаться солнцемъ и вращаться около своей оси, будетъ продолжаться смѣна дня и ночи.
- 25., Справедливый судья, убѣдившись въ невинности подсудимаго, долженъ произнести оправдательный приговоръ.
- 26., Истинный христіанинъ не долженъ быть мстительнымъ.
- 27., Человѣческая раса, можетъ быть, произошла изъ низшаго рода животныхъ.

28., Возможно, что всѣ неподвижныя звѣзды окружены планетами.

29., По всей вѣроятности эпическая поэзія есть древнѣйшій изъ всѣхъ родовъ поэзіи.

30., Ученый можетъ и не быть добродѣтельнымъ. Спрашивается: въ чемъ же сходны между собой всѣ эти сужденія? И слѣдовательно, что составляетъ ихъ сущность? — Безъ сомнѣнія, каждое сужденіе, рассматриваемое по отношенію къ лицу судящему, есть актъ его мышленія; рассматриваемое объективно, т. е. по своему только содержанію, безотносительно къ лицу думающему, представляетъ собою извѣстный результатъ, произведеніе мышленія (мысль); наконецъ, рассматриваемое въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, является формою мышленія, обязанной своимъ происхожденіемъ и тому процессу мысли—акту мышленія—который возникъ въ сознаніи думающаго лица, и тому результату, который сложился, какъ заключительный моментъ мышленія, и нашелъ свое выраженіе въ данной формѣ. Спрашивается: чѣмъ же *эта* форма мышленія отличается отъ другихъ?

Всякое понятіе—выражаетъ ли оно существенныя признаки цѣлой группы предметовъ («конкретное» понятіе—см. § 4), или только отвлеченное свойство предметовъ («абстрактное» понятіе—см. § 4), или наконецъ выражаетъ собою отношеніе понятій по ихъ содержанію («понятіе отношенія» см. § 8), всегда представляетъ собою *единичное цѣлое*, въ себѣ самомъ

замкнутое. ¹⁾ Въ каждомъ же сужденіи различаются три элемента мышленія. А именно: сужденіе образуется только тогда, когда въ сознаниі одновременно находятся два представленія, при чемъ эти представленія не смѣшиваются, но *рѣзко разграничиваются* друга отъ друга, — и только тогда, когда мыслится взаимное *отношеніе* этихъ представленій. Этотъ послѣдній моментъ мышленія, выражающійся во взаимномъ сопоставленіи стоящихъ въ сознаниі другъ подлѣ друга представленій, результатомъ чего является или соединеніе или раздѣленіе ихъ, и составляетъ сущность сужденія. Слѣдовательно, сужденіе есть такая форма мышленія, въ которой устанавливается взаимное *отношеніе* между собою представленій (или понятій).

§ 20. Составныя части сужденія и форма его выраженія въ рѣчи.

Въ каждомъ сужденіи различаются три составныя части: подлежащее (subjectum), сказуемое (praedica-

---

¹⁾ Потому что «понятіе», какъ общее представленіе, «есть сознание многихъ признаковъ вещи, объединенныхъ ея именемъ». — До какой степени послѣднее условіе, т. е. объединенное сознание признаковъ вещи, важно въ понятіи, это можно видѣть изъ того, что «множество вводимыхъ въ сознание признаковъ чего либо само по себѣ еще не составляетъ понятія. Въ предметъ можно находить многое и каждую черту его сознавать отдѣльно, нисколько не имѣя о немъ понятія. Это бываетъ тогда, когда многоразличныя свойства вещи не мыслятся въ связи, не приводятся къ единству и въ сознаниі не составляютъ цѣлаго. Имѣя, напр., опредѣленные представленія блока, рычага, винта и другихъ принадлежностей какой-нибудь машины, мы еще не будемъ имѣть

tion) и связь. Подлежащимъ бываетъ то представленіе, съ которымъ ставится въ связь другое представленіе; сказуемымъ—это второе представленіе, поставляемое въ связь съ первымъ. Въ сознаниі размышляющаго лица первую является мысль о подлежащемъ и она-то вызываетъ расудокъ въ дѣятельности, выражающейся въ актѣ сужденія; затѣмъ, вслѣдъ за первымъ, въ сознаниі является новое представленіе, долженствующее быть сказуемымъ; завершается же весь этотъ процессъ расудочной дѣятельности только тогда, когда расудокъ сознаетъ извѣстное отношеніе сказуемаго къ подлежащему. Это сознание отношенія составляетъ третью часть сужденія—*связь*; такимъ образомъ, въ ней заключается рѣшительный моментъ акта сужденія, то есть, окончательное рѣшеніе вопроса о соединеніи или раздѣленіи двухъ представленій—подлежащаго и сказуемаго—соотвѣтственно той степени увѣренности, съ какою рѣшается этотъ вопросъ. Въ утвердительныхъ сужденіяхъ связь часто не выражается отдѣльными словами, но только флексіей глагола, если сказуемое выражается этою частію рѣчи, и флексіей такъ-называемаго вспомогательнаго глагола, если сказуемое выражается какою-нибудь другою частію рѣчи.—Эти со-

---

понятія о томъ, какъ устроена самая машина, пока въ ея построеніи не изучимъ взаимной связи тѣхъ принадлежностей.—Для выраженія многихъ сознанныхъ и взаимно ограниченныхъ въ вещи признаковъ обыкновенно употребляется ея имя; такъ что ея именемъ какъ бы удерживается и упрочивается понятіе о ней» (см. Систематическое изложене логикі соч. проф. Карпова, стр. 84—86; слич. § 6 логикі Диттеса).

ставныя части сужденія можно видѣть въ вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Изъ этихъ же примѣровъ очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что сказуемыя могутъ заключать всѣ возможныя опредѣленія подлежащаго: бытіе, свойство, дѣйствіе (активность), страданіе (пассивность), состояніе, цѣль, причинность, обстоятельство времени, мѣста и т. п.

Такъ какъ весьма часто обыкновенно утверждается, что подлежащія и связуемыя въ сужденіи, или хотя по крайней мѣрѣ, связуемыя должны выражать собою *понятія*, то не лишне будетъ замѣтить здѣсь, что подлежащимъ весьма часто, а связуемымъ иногда бываютъ и *единичныя представленія*. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ подъ №№ 16, 17 и 18, образчиками этого рода сужденій, могутъ служить слѣдующія, напр.: эта рѣка есть Дунай; или: человекъ, стоящій тамъ, не твой братъ; или: человекъ, оторывшій Америку, былъ Колумбъ ¹⁾.

Точною *формой* для выраженія сужденія служитъ предложеніе, — и по преимуществу повѣствовательное. — Если подлежащее недостаточно извѣстно, или не желаютъ его точно обозначить, тогда употребляютъ такъ-называемыя безличныя предложенія, напр.: моросить, кажется, гремитъ, голодно и т. д. Часто цѣлое сужденіе выражается неполными (эллиптическими) предло-

---

¹⁾ Такъ-называемыя грамматическія опредѣленія, служивая объемъ понятія о предметѣ, могутъ низвестъ и понятія на степень единичныхъ представленій; напр.: «горы» и «Кавказскія горы», «море» и «Черное море» и т. п.

женіями и отрывочными фразами, какъ, на примѣръ, при восклицаніяхъ: пожаръ! погубило! сорвалось! и т. п. Многія сужденія даже и вовсе не выражаются словами, а только мыслятся. Тѣмъ не менѣе, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ предложенія ни выражалось сужденіе, конечно, не эта форма рѣчи составляетъ самое сужденіе, а лежащій въ ея основаніи актъ мышленія.

§ 21. Качество, количество, отношеніе и образность (модальность) сужденій.

Въ каждомъ сужденіи связуемое либо приписывается подлежащему, либо отрицается отъ него. Въ первомъ случаѣ сужденіе называется *утвердительнымъ*, во второмъ *отрицательнымъ*. Это свойство сужденій, показывающее, утверждается или отрицается связь подлежащаго со связуемымъ, называется *качествомъ* сужденія. Изъ сужденій, приведенныхъ въ § 19, означенныя подъ № № 8, 9, 10, 11, 15, 17, 20, 22, 26, и 30 суть сужденія отрицательныя, всѣ же остальные суть сужденія утвердительныя.

Выше было замѣчено, что подлежащимъ въ сужденіи можетъ быть какъ единичное представленіе, такъ и понятіе. Въ первомъ случаѣ сужденіе называется *единичнымъ*, во второмъ случаѣ либо *частнымъ*, либо *общимъ*, смотря потому, берется ли въ значеніи подлежащаго сужденія весь объемъ понятія, или часть его. Изъ приведенныхъ въ § 19 сужденій, означенныя подъ

№№ 16, 17 и 18 суть сужденія единичныя; означенныя же подъ № № 12, 13, 14, и 15 суть сужденія частныя; всѣ же остальные суть сужденія общія. Объемъ, который имѣетъ подлежащее сужденія, называютъ *количествомъ* сужденія. (Какія существуютъ въ языкѣ средства для выраженія количественныхъ отношеній?)

Говоря объ *отношеніи* сужденій, разумѣютъ подъ этимъ то, какимъ образомъ выражается въ сужденіи отношеніе сказуемаго къ подлежащему, а именно: приписывается ли оно подлежащему безусловно, или условно. На этомъ основаніи раздѣляютъ сужденія на *категорическія* (чуждыя всякихъ предположеній, безусловныя) и *гипотетическія* (условныя, зависямыя отъ предположеній). Изъ приведенныхъ въ § 19 сужденій, означенныя подъ № № 19, 20, 21, 22, 23, и 24 суть сужденія гипотетическія, а остальные—категорическія. Многія категорическія сужденія могутъ быть измѣнены въ гипотетическія, но не всѣ; равно какъ и многія гипотетическія сужденія могутъ быть превращены въ категорическія, но не всѣ. Это ясно можно видѣть изъ выше приведенныхъ примѣровъ. Такое различіе между двумя родами сужденій можетъ быть уничтожено, только тогда, когда не будутъ обращать вниманія на то, что каждое сужденіе есть актъ мышленія, а не простое соединеніе словъ, и когда сверхъ того, будутъ пользоваться, совершенно не соотвѣтствующимъ процессу мышленія способомъ выраженія мысли.

Наконецъ, по *образности* (*модальности*) раздѣляютъ сужденія на *проблематическія*, *ассерторическія* и *апо-*

диктическія. Подъ образностью сужденія разумѣютъ именно ту степень увѣренности (убѣжденности), съ которою составлено сужденіе. Соответствуетъ ли при этомъ *реальной дѣйствительности* та степень убѣжденности, съ которою думающій образуетъ сужденіе, это другой вопросъ (о немъ см. § 23 и слѣд.). Въ настоящемъ случаѣ ближайшимъ образомъ идетъ рѣчь лишь объ одной той увѣренности мыслящаго субъекта, съ какою рѣшается имъ вопросъ о взаимномъ отношеніи входящихъ въ сужденіе понятій. Но эта увѣренность его можетъ быть или ненадежною, сомнительною, основывающеюся на простой догадкѣ; или же можетъ являться она непосредственно опирающеюся на данныя опыта; или, наконецъ, она можетъ основываться на неизмѣнной связи вещей. Вслѣдствіе этого достовѣрность сужденія является либо *возможною* (проблематическою), либо *дѣйствительною* (ассерторическою, фактическою), либо, наконецъ, *необходимою* (аподиктическою). Въ рѣчи ассерторическое значеніе сужденія можетъ быть выражено словами: «есть», «не есть»; «да», «нѣтъ»; проблематическому значенію сужденія соответствуютъ такія выраженія, какъ: «можетъ быть», «можетъ и не быть», «кажется»; аподиктическое значеніе сужденія можетъ быть выражено словами: «должно быть», «не должно быть». Впрочемъ, образность сужденія выражается и другими способами ¹⁾. Изъ

¹⁾ Кромѣ союзовъ, такимъ средствомъ для выраженія различной степени увѣренности лица говорящаго относительно связи между подлежащимъ и связуемымъ служатъ *наклоненіе глагола*, почему глаголомъ

суждений, приведенныхъ въ § 19, отмѣченныя подъ №№ 27, 28, 29, и 30 суть проблематическія сужденія; подъ №№ 24, 25, и 26 суть сужденія аподиктическія; всѣ же остальные суть сужденія ассерторическія.

§ 22. Аналитическія и синтетическія, простыя и сложныя сужденія.

Къ выше приведеннымъ дѣленіямъ суждений присоединяется и еще раздѣленіе на *аналитическія* и *синтетическія*. Подъ первыми разумѣютъ такія сужденія, связуемыя которыхъ суть ничто иное, какъ признаки подлежащихъ этимъ сужденій; подъ послѣдними разумѣютъ такія сужденія, связуемыя которыхъ заключаютъ въ себѣ что-либо новое, чего нѣтъ въ содержаніи подлежащаго. Аналитическія сужденія, такимъ образомъ, получаются чрезъ *расчлененіе* даннаго понятія, чрезъ разложеніе его на составныя части; синтетическія же чрезъ *соединеніе* (комбинацію) понятій, и при томъ понятій съ различнымъ содержаніемъ. Первые также называются объяснительными сужденіями, потому что они только анализируютъ и разъясняютъ то, что уже заключается въ данномъ представленіи; а послѣднія—сужденіями, расширяющими область знаній: потому что они увеличиваютъ запасъ знаній. Напримѣръ, сужденія: сумма

или при посредствѣ глагола и выражается сказуемое. Изъявительное наклоненіе выражаетъ связь дѣйствительную, условное—связь возможную, повелительное—связь необходимую, (онъ добръ, онъ былъ бы добръ, будь добръ). См. *Organism der Sprache* v. K. F. Becker. 2-te Ausgabe 1841 г. § 68 и слѣд. §§.

двухъ сторонъ треугольника больше третьей, или: бѣльшей сторонѣ треугольника противолежитъ бѣльшій уголъ, суть, очевидно, сужденія аналитическія, т. е. полученныя чрезъ анализированіе понятія о треугольникѣ. Пифагорова же теорема есть, безъ сомнѣнія, сужденіе синтетическое. Изъ приведенныхъ въ § 19 сужденій, означенныя подѣ №№ 1, 2, 12 и 25 суть сужденія аналитическія;—подѣ №№ 6, 9, 14 и 27 суть сужденія, синтетическія. Во всякомъ случаѣ, на всѣ отрицательныя, равно какъ и на всѣ проблематическія сужденія, можно смотрѣть, какъ на сужденія синтетическія; всѣ же остальные сужденія не всегда бывають аналитическими. Вообще, часто приходится сомнѣваться, къ какому роду должно быть отнесено извѣстное сужденіе. Напримѣръ: къ какимъ сужденіямъ, синтетическимъ или аналитическимъ, должны быть отнесены сужденія, приведенныя выше подѣ №№ 3 и 4? Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ того, какіе признаки уже считаются заключающимися въ понятіи о солнечномъ затмѣніи и параллелограммѣ, что въ свою очередь, очевидно, зависить отъ того, какія знанія имѣеть лицо судящее, основательныя или поверхностныя. Вотъ почему, для одного извѣстный признакъ по отношенію къ разсматриваемому понятію будетъ казаться синтетическимъ, между тѣмъ какъ другой на этотъ же самый признакъ будетъ смотрѣть, какъ на аналитическій элементъ знанія.

Наконецъ, раздѣляютъ сужденія на *простыя* и *сложныя*, подобно тому, какъ различають простыя и

сложныя *предложенія*. Сужденіе называется простымъ тогда, когда оно состоитъ только изъ одного подлежащаго и одного только сказуемаго; сложнымъ — тогда, когда имѣеть или нѣсколько подлежащихъ, или нѣсколько сказуемыхъ, а слѣдовательно и тогда, когда имѣеть и нѣсколько подлежащихъ, и нѣсколько сказуемыхъ. Изъ вышеприведенныхъ сужденій только гипотетическія (№№ 19—24) суть сложныя сужденія. Другіе важнѣйшіе роды сложныхъ сужденій мы уже рассматривали прежде въ отдѣлахъ нашей логики: «объ опредѣленіяхъ» и «раздѣленіяхъ». Опредѣленія связываютъ нѣсколько сказуемыхъ вмѣстѣ въ одно цѣлое (въ понятіе) и по этому называются сужденіями *соединительными*; раздѣленія разлагаютъ цѣлое на его части и называются по этому или *раздѣлительными*, или *взаимно-исключающими* сужденіями, смотря по тому, мыслятся ли данныя признаки совмѣстно, какъ части цѣлаго, или одни признаки исключаются другими и не могутъ быть мыслимы вмѣстѣ въ извѣстномъ данномъ случаѣ. Напримѣръ, слѣдующее сужденіе есть раздѣлительное сужденіе: индивидуальность частію врождена, частію слагается подѣ влияніемъ воспитанія и образованія; слѣдующія же сужденія суть взаимно-исключающія: подлежащимъ сужденія бываетъ или единичное представленіе, или понятіе; тѣла бываютъ или твердыя, или жидкія, или газообразныя; потому что при мышленіи объ извѣстномъ опредѣленномъ предметѣ естественно является необходимость сдѣлать выборъ между данными признаками понятія (Разъясненія см. въ § 24).

Б. Основные законы сужденія.

§ 23. Законъ тождества.

Такъ какъ сужденіе, какъ и всякое мышленіе вообще, стремится въ познанію истины, то и должно изслѣдовать тѣ правила, чрезъ подчиненіе которымъ эта цѣль можетъ быть достигнута. Какъ на *всеобще-обязательныя* правила, какъ на *основанія* или *законы* мышленія (сужденія), указываютъ обыкновенно на слѣдующіе четыре закона; а именно: на законъ тождества, на законъ противорѣчія, на законъ исключеннаго третьяго и на законъ достаточнаго основанія.

Основное положеніе закона *тождества* (*principium indentitatis*) заключается въ слѣдующемъ: всякая вещь есть тѣ, чтѣ она есть. Законъ этотъ можетъ быть выраженъ формулой: $A=A$. Въ математикѣ этотъ законъ находитъ свое приложеніе въ слѣдующемъ положеніи: каждая величина равна сама себѣ. Въ области мышленія законъ этотъ даетъ слѣдующія руководящія правила для нашего мышленія: каждое понятіе, какъ подлежащее, въ себѣ *вѣдомѣ* заключаетъ признаки, какъ свои *сказуемыя* (*omnium subiectum est praedicatum sui*); т. е.: каждому понятію можетъ быть приписано въ значеніи *сказуемаго* и то его родовое понятіе, въ объемѣ котораго оно мыслится, и каждый изъ его признаковъ; слѣдовательно, нельзя отрицать отъ даннаго понятія ни *родоваго* его понятія, ни *каждаго* изъ его признаковъ. Сужденія, въ которыхъ подлежащее и ска-

зѹемое совершенно обнимають другъ друга, называются *тождественными*, напримѣръ: истина есть истина, чело-вѣкъ есть чело-вѣкъ. По отношенію къ признакамъ, которые заключаются въ данномъ понятіи, и слѣдova-тельно согласуются съ нимъ, этотъ законъ мышленія называютъ также закономъ *согласія*. Въ примѣненіи къ отрицательнымъ признакамъ понятія — законъ этотъ называется закономъ *отрицанія* и выражается въ слѣдующемъ положеніи: никакая вещь не есть то, что она не есть, или: признаки, отрицаемые отъ даннаго понятія, не могутъ быть ему приписаны. На-примѣръ: минералы не растутъ, слѣдовательно, *А. Коменій* какъ разъ нарушаетъ требованія вышеизложеннаго закона, утверждая, что «подъ землею растутъ металлы, камни, минералы». Напротивъ, вполне со-отвѣтствующими закону отрицанія являются слѣдующія сужденія: дитя не есть мужъ, ложь не есть истина.

Какъ ни простъ самъ по себѣ этотъ законъ мышленія, однакожъ весьма часто его нарушаютъ. Нерѣд-ко, подъ вліяніемъ предрасудковъ или страсти отрицають очевиднѣйшія истины, защищаютъ безразсуднѣйшія положенія, считая многія изъ нихъ чуть не святыми истинами; превратно истолковываются самыя осязательныя факты. Такое беззастѣнчивое нарушеніе этого закона по преимуществу является тамъ, гдѣ ложь систематически возводится въ принципъ. Одинъ и тотъ же поступокъ, смотря по надобности, признается то высокою добродѣтелью, то вопіющимъ преступленіемъ. Правда, нерѣдко вполне вѣрнымъ обазывается слѣ-

дующее положеніе: если двое возьмутся за одно и тоже дѣло, то выйдетъ не одно и тоже (*duo quum faciunt idem, non est idem*). Въ этихъ случаяхъ многое зависитъ отъ отношенія къ дѣлу и побужденій въ нему. Ребенку, напр., нельзя позволить всего, что позволяется взрослому; или: что было полезно столѣтіе тому назадъ, то можетъ быть вреднымъ въ настоящее время. Вообще, не слѣдуетъ упорно, не смотря ни на какіе факты, держаться всѣхъ выводовъ разъ усвоенной извѣстной точки зрѣнія, если не хотятъ разойтись въ своихъ сужденіяхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и, такимъ образомъ, погрѣшить противъ истины. Но и излишне мелочная осмотрительность, внушающая воздержность отъ обобщающихъ сужденій, или такъ называемая логика фактовъ, не должна выражаться въ произволь, — и тѣмъ болѣе въ насмѣшку надъ законами разума и нравственности. Свокорыстіе, тщеславіе, ненависть, раболѣпство и другія страсти суть именно тѣ ложные пророки, которые дѣлаютъ чловека пристрастнымъ и заставляютъ, смотря по обстоятельствамъ, называть бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ. Жизнь представляетъ безчисленное множество послѣдователей іезуитскаго правила, что цѣль освящаетъ средства. Отсюда ясно, почему, какъ выражается Гёте, «разумъ такъ часто остается въ меньшинствѣ». Кто хочетъ примѣнять простѣйшіе законы логики въ разнообразнымъ фактамъ, тотъ не только долженъ смотрѣть на вещи основательно, но и долженъ быть одушевленъ неизмѣнною любовью къ истинѣ.

§ 24. Законъ противорѣчя. Законъ исклю- ченнаго третьяго.

Основное требованіе закона *противорѣчя* (*principium contradictionis*) заключается въ слѣдующемъ: не думай противорѣчащаго, т. е. одному и тому же подлежащему не должно одного и того же связуемого и приписывать и отрицать отъ него; или: два противорѣчащихъ другъ другу сужденія не могутъ быть одинаково истинны, но одно изъ нихъ непременно должно быть ложно, причемъ ложность одного обуславливается истинностью другаго. Этотъ законъ мышленія, очевидно, есть слѣдствіе закона тожества, и требованія его ясны сами по себѣ, безъ дальнѣйшихъ разъясненій.— Впрочемъ, обыкновенно различаютъ *противорѣчіе* отъ *противоположности*. Но послѣдняя постоянно заключаетъ въ себѣ первое. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро объ извѣстномъ предметѣ утверждается, что онъ желтаго цвѣта, то этимъ самымъ уже отрицается, что онъ синяго цвѣта; или: насколько извѣстный поступокъ признается похвальнымъ, настолько же онъ не можетъ быть порицаемъ. Если подлежащему приписывается такое связуемое, которое несомнѣнно съ его существомъ, то въ этомъ случаѣ происходитъ такъ называемое *внутреннее* противорѣчіе (*contradictio in adjecto*), напримѣръ: восоугольный квадратъ, или: не имѣющій плана методъ, или: «всегда слѣпой

увидѣлъ зайца на зеленомъ лугу, то нѣмой закричалъ глухому, а калѣва поймалъ зайца.»

О законѣ противорѣчія слѣдуетъ замѣтить, что онъ только тогда имѣетъ значеніе, когда подлежащее сужденія вполне опредѣлено и въ отношеніи къ противоположнымъ сказуемымъ употребляется *въ одномъ и томъ же значеніи*. Если же мы въ одномъ и томъ же предметѣ различаемъ различныя части, или употребляемъ одно слово въ различныхъ значеніяхъ, въ такомъ случаѣ допустимы и противорѣчація и противоположныя сказуемыя. Такъ напримѣръ, подсудимый въ одномъ отношеніи можетъ быть виновнымъ, а въ другомъ невиннымъ; ученикъ въ извѣстномъ предметѣ можетъ быть прилеженъ, а въ другомъ оказывается лѣнивымъ; человекъ, по отношенію къ извѣстной категоріи поступковъ, можетъ быть добродѣтельнымъ, между тѣмъ какъ по отношенію къ другой — порочнымъ; одинъ и тотъ же цвѣтокъ можетъ быть и желтымъ и голубымъ, смотря по времени года; тѣла въ физическомъ смыслѣ имѣютъ тяжесть, въ математическомъ нѣтъ; индивидуальность частію врождена, частію слагается подъ вліяніемъ воспитанія и образованія; культура заключаетъ въ себѣ отчасти полезныя, отчасти вредныя элементы; огонь частію полезенъ, частію вреденъ и т. п.

Основное положеніе закона *исключеннаго третьяго* (princípium exclusi tertii) заключается въ слѣдующемъ: между двумя сужденіями объ одномъ и томъ же предметѣ, утвердительнымъ и противоположнымъ ему

отрицательнымъ, не можетъ быть третьяго; другими словами: противорѣчація другъ другу противоположности не могутъ быть примирены какимъ-нибудь третьимъ сужденіемъ; изъ двухъ противорѣчащихъ противоположныхъ сужденій всегда одно истинно, а другое ложно, и поэтому-то не можетъ быть между ними мѣста третьему сужденію. Справедливость этого закона вытекаетъ изъ того, что двумя противорѣчащими противоположными опредѣленіями вполне исчерпывается все то, что только можно мыслить о данномъ предметѣ; слѣдовательно, каждому предмету можетъ быть приписано лишь какое-нибудь одно изъ *этихъ* опредѣленій. Относительно безошибочнаго примѣненія требованій этого закона должно замѣтить, что и здѣсь **обсуждаемый предметъ долженъ быть точно опредѣленъ и всегда понимается въ одномъ и томъ же смыслѣ.** Но не всегда и два *противоположныхъ* сужденія исключаютъ третье: это бываетъ въ томъ случаѣ, когда *оба* они *ложны*. Напримѣръ, утверждаютъ ли о какомъ-нибудь опредѣленномъ понятіи — съ одной стороны—что оно врождено; а съ другой—что оно произошло изъ чувственныхъ воспріятій: то оба эти сужденія равно будутъ ложны въ томъ случаѣ, когда рассматриваемое понятіе произошло изъ *внутренняго* воспріятія. Когда одни утверждаютъ: человекъ добръ по природѣ, другіе: человекъ золь по природѣ ¹⁾, то

---

¹⁾ Представителями этихъ взглядовъ въ области педагогики можно считать, между прочимъ, *Ж. П. Рихтера* и *Пальмера*.—Первый смотритъ на ребенка, какъ на ангело-подобное существо. «Дитяти, гово-

представители этих мнѣній одинаково заблуждаются, потому что новорожденному ребенку не достаетъ того, что входитъ, какъ элементъ, въ нравственную оцѣнку, а именно: сознательности и преднамѣренности, — однимъ словомъ: воли.

§ 25. Законъ достаточнаго основанія.

Законъ *достаточнаго основанія* (*principium rationis sufficientis*) есть одинъ изъ всеобъемлющихъ законовъ мышленія. Основное положеніе его предписываетъ слѣдующее требованіе: каждое сужденіе должно имѣть извѣстное основаніе; безъ основаній судить нельзя. Но спрашивается: съ чѣмъ же въ такомъ случаѣ сужденіе должно сообразоваться? — Съ тѣмъ, что дѣйствительно есть и совершается; слѣдовательно, съ сущностью и отношеніями вещей, съ условіями и законами всякаго явленія. Но все, что существуетъ и совершается, можетъ быть познаваемо или непосредственно, т. е. при помощи воспріятій, или посредственно, т. е. при помощи выводовъ и заключеній. Въ примѣненіи въ первомъ случаѣ законъ этотъ даетъ слѣдующее правило: суди сообразно съ фактами опыта;

рять онъ, ближе лежитъ высшее, чѣмъ низшее. Все святое прежде не-святаго; виновность предполагаетъ невинность; падшіе духи сначала были ангелами, а не сотворены падшими». (См. Levana, Bdch I, § 118). По мнѣнію Пальмера, вообще принципъ теологическаго направленія заключается въ томъ, что воспитаніе можетъ начинаться не иначе, какъ послѣ крещенія, — и именно по причинѣ порчи природы человѣка первороднымъ грѣхомъ. (См. Palmer Evangel. Pädagogik. 3 Aufl § 128 ff.).

въ примѣненіи ко второму случаю: суди сообразно съ основами всего существующаго и являющагося. Первый случай мы уже разсматривали въ статьѣ о законѣ тождества и въ заключеніи снова обратимся къ нему; теперь же займемся примѣненіемъ закона достаточнаго основанія къ производнымъ, *выводнымъ* сужденіямъ.

Знаніе, служащее ручательствомъ за вѣрность другаго знанія, называется основаніемъ познанія; бытіе или явленіе, изъ котораго происходитъ другое бытіе или явленіе, называется реальной причиной. Отсюда, основное положеніе закона достаточнаго основанія можно формулировать слѣдующимъ образомъ: основное познаніе наше должно соответствовать реальной причинѣ, взаимная связь нашихъ мыслей должна соответствовать взаимной причинной связи предметовъ и явленій въ мірѣ дѣйствительности. Изъ ничего ничего не бываетъ: нѣтъ дѣйствія безъ причины. Что же касается теперь примѣненія этого закона, то должно замѣтить, что коль скоро извѣстное бытіе или явленіе *совершенно* объясняется другимъ бытіемъ или явленіемъ, то мы можемъ считать себя въ правѣ составлять *аподиктические* сужденія. Примѣромъ такихъ сужденій могутъ служить приведенныя въ § 19 подъ №№ 20, 24, 25 и 26. Такимъ же образомъ мы съ непоколебимою увѣренностію можемъ, напр., утверждать, что при каждомъ лунномъ затмѣненіи бываетъ полнолуніе, при каждомъ солнечномъ затмѣненіи — новолуніе (почему?). Движенія нашей планетной системы точно опредѣлены силою

притяженія, равно какъ массы и разстоянія отдѣльныхъ членовъ ея. Такъ какъ, на основаніи этихъ данныхъ, французскій астрономъ, Леверье, напелъ, что изъ отношеній всѣхъ извѣстныхъ планетъ не можетъ быть объясненъ путь Урана, то онъ и заключилъ, съ достаточнымъ основаніемъ, что въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ нашей солнечной системы должна находиться еще другая (неизвѣстная) планета. И дѣйствительно, открытіе Нептуна въ 1846 году фактически доказало вѣрность этого заключенія. Такъ какъ здоровое состояніе человѣческаго организма зависитъ отъ извѣстныхъ условій, то врачъ, конечно, съ увѣренностію можетъ предсказать приближающійся случай смерти, или на примѣръ, на судѣ — высказать мнѣніе, что отъ извѣстныхъ дѣйствій могла послѣдовать смерть. Другіе примѣры аподиктическихъ истинъ могутъ быть заимствованы изъ элементарной математики. Что касается до того, какое вліяніе оказываетъ этотъ законъ на дѣятельность разсудка въ актѣ сужденія то — для примѣра — вспомнимъ еще разъ выше приведенныя разъясненія сущности сужденія, изъ чего, очевидно, съ полною увѣренностію мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: никакое сужденіе не можетъ быть лживымъ; потому что, являясь результатомъ сознательнаго акта мышленія, оно состоитъ въ тѣсной зависимости отъ наличнаго запаса знаній, — и вотъ почему даже и въ томъ случаѣ, если по своему содержанію сужденіе оказывается ложнымъ, то предъ самосознаніемъ мыслящаго духа, въ данный моментъ мышленія, оно сознается

истиннымъ и вѣрнымъ. Далѣе, въ примѣненіи къ характеру человѣка, какъ причинѣ сознательной и свободной дѣятельности его, не подлежатъ ни малѣйшему спору слѣдующія изреченія Спасителя: «древо доброе *не можетъ* приносить дурныхъ плодовъ, и дурное древо *не можетъ* приносить добрыхъ плодовъ».

Но если, наоборотъ, извѣстное бытіе или явленіе не вполне объясняется другимъ бытіемъ или явленіемъ, при чемъ нѣтъ оснований высказаться и противъ представляющагося объясненія, то во всѣхъ такихъ случаяхъ возможно только *проблематическое* сужденіе. Насколько оно можетъ быть достовѣрно, это зависитъ отъ значенія его оснований. Примѣрами такихъ сужденій могутъ служить представленныя въ § 19 подъ №№ 27, 28, 29 и 30. Нарушеніе требованій этого закона, въ силу котораго взаимная связь нашихъ мыслей должна соответствовать взаимной причинной связи предметовъ и явленій дѣйствительнаго міра, представляютъ намъ слѣдующія сужденія *А. Коменія*: «вѣтеръ производитъ подъ землею землетрясеніе. Изъ сѣрныхъ паровъ образуется громъ, который, если происходитъ изъ облака, сопровождается трескомъ и блескомъ молніи». Вотъ почему поступаютъ совершенно вопреки требованіямъ этого закона и тогда, когда, напр. изъ существованія человѣческихъ понятій или порочевъ выводятъ сужденіе, что они врождены; или: когда хотятъ оправдать мысль, что клятва допустима съ нравственной точки зрѣнія, — выводя такое заключеніе изъ того обстоятельства, что клятва ведетъ

къ прекращенію спора; или: изъ вреднаго употребленія вещи заключаютъ о вредѣ самой вещи, противъ чего совершенно справедливо можно возразить, что злоупотребленіе не есть еще причина изъятія вещи изъ употребленія (*abusus non tollit usum*). Вообще, ошибаются также и врачи, когда безъ *достаточнаго* основанія, т. е. на основаніи только нѣкоторыхъ изъ многихъ условій наблюдаемаго явленія, уже судятъ о немъ съ увѣренностію, а равно и юристы, когда, основываясь на одномъ лишь подозрѣніи, строятъ убѣдительныя доказательства въ интересѣ обвиненія. Если же, сверхъ того оказывается, что фактическія данныя идутъ въ разрѣзъ съ составленнымъ сужденіемъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ простая догадка принята за истину, и слѣдовательно, составлено невѣрное сужденіе. И подобнаго рода поспѣшность въ составленіи сужденія не можетъ быть оправдываема ссылкою на спеціальныя правила извѣстной отдѣльной науки ¹⁾. Здравый человѣческій разумъ всегда имѣетъ право воздержаться, волею скоро онъ признаетъ справедливымъ слѣдующее положеніе: что не истинно, то и не можетъ быть доказано, какъ истинное. Такимъ образомъ, слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ, — и въ каждомъ данномъ случаѣ хорошенько взвѣшивать, какое значеніе можетъ быть при-

---

¹⁾ Такъ, напр., юристы, опираясь на указываемыя наукою *формальныя* признаки улики, нерѣдко настаиваютъ на обвиненіи въ виду такихъ обстоятельствъ, въ отношенія къ которымъ совпаденіе признаковъ улики оказывается часто, при изслѣдованіи дѣла на судѣ, *простою случайностію*.

дано основанію сужденія, т. е. можетъ ли оно служить опорю аподиктического сужденія, или только проблематическаго. Исторія развитія наукъ, какъ реальныхъ, такъ и гуманитарныхъ, нерѣдко представляетъ намъ то явленіе, что часто весьма шаткія теоріи выдавались за непогрѣшимыя научныя положенія и съ суевѣрной увѣренностію почитались за неопровержимыя истины.

Изъ вышеизложенныхъ условій правильнаго примѣненія въ сферѣ мышленія требованій закона достаточнаго основанія получаетъ неоспоримое значеніе въ отношеніи ко всей области и непосредственнаго и посредственнаго знанія слѣдующее методическое правило: прежде чѣмъ судить о тѣхъ или другихъ предметахъ, необходимо позаботиться о приобрѣтеніи возможно полныхъ знаній о нихъ, основанныхъ на фактическихъ данныхъ. Наблюденія наши надъ явленіями внѣшняго и внутренняго міра должны быть произведены точно и основательно, а не бѣгло и поверхностно, — причемъ особенно слѣдуетъ остерегаться обмановъ чувствъ и воображенія, а равнымъ образомъ опасности — судить о данномъ явленіи съ исключительно субъективной точки зрѣнія, подъ вліяніемъ той или другой душевной настроенности и т. п. ¹⁾ Но такъ какъ каждый чело

---

¹⁾ Такъ, подъ вліяніемъ обмановъ чувствъ, человекъ долгое время думалъ, что солнце движется вокругъ земли; а подъ вліяніемъ чувствъ и воображенія для объясненія совершающихся въ мірѣ явленій, создавалъ различнаго рода мифологическія сказанія и т. п. Прекраснымъ средствомъ для объясненія этой послѣдней мысли можетъ служить, между прочимъ, разборъ стихотворенія Пушкина; „Бѣсм“, основная

вѣкъ не можетъ познать всѣхъ вещей посредствомъ *собственныхъ* наблюдений, а посему долженъ многое принимать и на вѣру, то въ силу вышеизложенныхъ соображеній является необходимость относиться съ большою осмѣтрительностію къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ почерпается знаніе: не каждая молва, не каждый разговоръ, не всякое кажущееся вѣрнымъ наблюдение, не каждая газета или книга заслуживаютъ безусловной вѣры; нерѣдко заблужденія, предразсудки, даже ложь выдаются за достовѣрные факты. Но и послѣ того, какъ подлежащій обсужденію матеріалъ знанія подвергнуть тщательному изслѣдованію, должно быть также осторожнымъ и въ *систематизированіи* его. Слѣдуетъ одинаково избѣгать всякой поспѣшности, какъ въ образованіи сужденій, такъ и въ усвоеніи готовыхъ сужденій. Предразсудки, сословные, національные, вѣроисповѣдныя, вѣра въ авторитетъ и т. п. дѣлаютъ человѣка слѣпымъ по отношенію къ очевиднѣйшимъ фактамъ, распространяются какъ застарѣлая нравственная болѣзнь и часто образуютъ своего рода настоящую духовную эпидемію въ міровозрѣніи цѣлаго народа, или класса общества. Вотъ почему всегда слѣдуетъ охранять личную самостоятельность въ изслѣдованіи фактовъ, проявлять личную самостоятельность въ образованіи сужденій.—Не слѣдуетъ безъ критики усвоить себѣ то или другое гото-

---

мысль котораго даетъ возможность рѣшить вопросъ: какимъ образомъ слагаются народныя вѣрованія?

вое ходячее мнѣніе какой-нибудь личности или партіи, а тѣмъ болѣе—присягать на вѣрность сектѣ, которая свою неспособность къ мышленію и умственную лѣность прикрываетъ мнимымъ авторитетомъ своего главы и предаетъ осмѣянію и преслѣдованію всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ мыслить самостоятельно. Въ жизни можетъ быть это удобно, а часто и выгодно, но во всякомъ случаѣ идетъ въ разрѣзъ съ достоинствомъ человѣка. Прекрасно изображаетъ это Гёте въ своемъ Фаустѣ, влагая въ уста Мефистофеля слѣдующія слова, проникнутыя глубокой ироніей: «нѣтъ, лучше слѣпо ужь держаться того, что вамъ учитель говоритъ; короче, прямо вѣрить въ слово: тогда лишь вы войдете въ храмъ самодовольствія».

В. 0 выводныхъ сужденіяхъ (слѣдствіяхъ).

§ 26. Измѣненіе качества и образности сужденій.

Сужденіе, которое не можетъ быть добыто изъ сущности или отношеній даннаго предмета познанія, но выводится только изъ какого-нибудь другаго сужденія, называется *выводнымъ* сужденіемъ, или *слѣдствіемъ*. Насколько выводы возможны, или допустимы, это въ общихъ чертахъ ясно изъ только—что изложенныхъ основаній сужденія. Мы по преимуществу остановимся на четырехъ родахъ выводовъ, во вниманіе къ ихъ важности.

Во-первых, изъ даннаго общаго сужденія можетъ быть выведено другое *равнозначашее* сужденіе, если измѣнить *качество* какъ подлежащаго, такъ и сказуемаго. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выше въ § 19 сужденій подъ № 1—4 можно вывести слѣдующія новыя сужденія: никакой металлъ не есть не-простое (сложное) тѣло; никакое тѣло не бываетъ безъ протяженности; ни одно солнечное затмѣніе не можетъ имѣть мѣста, если не бываетъ новолунія; никакой параллелограммъ не можетъ быть раздѣленъ діагональю на не равные треугольники. Равнымъ образомъ, сужденіе, приведенное подъ № 11, даетъ слѣдующее новое: всѣ понятія не врождены. Изъ сужденія: никакое горѣніе не происходитъ безъ потребленія кислорода, слѣдуетъ новое: при каждомъ горѣніи потребляется кислородъ.

Равнымъ образомъ, можно измѣнять *образность* даннаго сужденія и въ тавомъ случаѣ изъ каждаго ассерторическаго сужденія можетъ быть выведено сужденіе проблематическое, изъ каждаго аподиетическаго — ассерторическое. Потому что высшая степень увѣренности, съ которою образовано сужденіе, очевидно, обнимаетъ и тѣ низшія ступени, по которымъ прошло сознаніе связи между подлежащимъ и сказуемымъ; другими словами: отъ «дѣйствительнаго» можно дѣлать заключеніе къ «возможному» (*ab esse ad posse valet consequentia*); отъ «необходимаго» можно дѣлать заключеніе къ «дѣйствительному» (*ab oportere ad esse valet consequentia*), а равнымъ образомъ отъ «невозможнаго» можно заключать къ «недѣйствитель-

ному» (a non posse ad non esse valet consequentia). Первый случай можно уяснить себѣ при помощи примѣровъ подъ №№ 12, 13, 14 и 15; второй случай— при помощи примѣровъ подъ №№ 24, 25 и 26. Такимъ образомъ, кто посредствомъ аподиктического сужденія исключаетъ противоположное проблематическое, тотъ можетъ быть опровергнутъ, волею скоро не приводить несомнѣнно достовѣрныхъ фактовъ, или ссылается на невозможный фактъ, какъ на дѣйствительный. Напримѣръ, если кто-либо утверждаетъ: нашъ городъ не можетъ сгорѣть, наша армія не можетъ быть побѣждена, или: всѣ млекопитающія должны жить на сушѣ; или: въ извѣстное опредѣленное время должна произойти война,—то спрашивается: какія проблематическія сужденія онъ отвергаетъ, и при помощи какихъ фактовъ онъ можетъ быть опровергнутъ?

Затѣмъ, ясно также, что каждое *проблематическое* сужденіе допускаетъ другое проблематическое сужденіе противоположнаго качества, какъ это можно видѣть изъ примѣровъ подъ №№ 27, 28, 29 и 30.

§ 27. Превращеніе сужденій.

Во-вторыхъ, средствомъ для вывода новаго сужденія можетъ служить *превращеніе* сужденія. Превратить сужденіе значитъ сдѣлать подлежащимъ то понятіе, которое является въ данномъ сужденіи сказуемымъ, а сказуемымъ сдѣлать то понятіе, которое служитъ въ немъ подлежащимъ,—безъ измѣненія, однако же, качества суж-

денія. Такимъ образомъ, напр., изъ сужденій: всѣ металлы суть простыя тѣла; всякая добродѣтель проистекаетъ изъ нравственнаго убѣжденія; всякій разъ, когда происходитъ солнечное затмѣніе, бываетъ новолуніе; всякій разъ, когда показывается на тѣлѣ сыпь, бываетъ лихорадочное состояніе,—можно получить слѣдующія новыя сужденія: нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы; нѣчто проистекающее изъ нравственныхъ убѣжденій есть добродѣтель; всякій разъ, какъ бываетъ новолуніе, происходитъ солнечное затмѣніе; въ то время, когда бываетъ лихорадка, появляется сыпь. Такимъ образомъ, здѣсь является обязательнымъ слѣдующее правило: чрезъ превращеніе общаго утвердительнаго сужденія, будетъ ли оно категорическое, или гипотетическое, постоянно получается частное утвердительное сужденіе, — общее же только тогда, когда подлежащее и сказуемое даннаго сужденія имѣютъ одинъ и тотъ же объемъ. Спрашивается: въ этомъ послѣднемъ отношеніи какіе, напр., новые выводы могли бы быть получены путемъ превращенія сужденій, означенныхъ въ § 19 подъ №№ 19 и 24?—Всѣ правильно образованныя опредѣленія и раздѣленія даютъ полную возможность превращенія ихъ. Изъ *частнаго* утвердительнаго сужденія выводится посредствомъ превращенія или такое же частное сужденіе, или же общее. Предположимъ, что даны слѣдующія сужденія: нѣкоторые параллелограммы суть правильныя фигуры; нѣкоторые гении суть порочные люди; когда стоитъ сырая погода, тогда проростають сѣмена;

часто, когда бывает дождикъ, дуетъ западный вѣтеръ; спрашивается: какія могутъ быть получены выводныя сужденія путемъ превращенія этихъ сужденій?—Какія сужденія могутъ быть получены путемъ превращенія съ измѣненіемъ количества сужденій, приведенныхъ подъ №№ 12, 13 и 14 въ § 19?—*Общее отрицательное* сужденіе путемъ превращенія даетъ такое же общее сужденіе. Возьмемъ для примѣра слѣдующія сужденія: никакой прямоугольный треугольникъ не бываетъ равностороннимъ; никакая добродѣтель не врождена; никогда не происходитъ солнечнаго затмѣнія, когда бываетъ полнолуніе; когда солнце достигаетъ высоты болѣе 42° , никогда не появляется радуга. Спрашивается: какому превращенію могутъ быть подвергнуты эти сужденія?

Наконецъ, многія сужденія могутъ быть превращаемы на основаніи *взаимнаго соотношенія* двухъ понятій. Если, напримѣръ, Аристотель былъ учителемъ Александра, то, очевидно, Александръ былъ ученикомъ Аристотеля; если воля является причиною сознательныхъ и преднамѣренныхъ поступковъ, то, очевидно, сознательные и преднамѣренные поступки суть дѣйствія воли; если церковь есть мать шхола, то шхола есть дочь церкви; и наоборотъ: если церковь не есть мать шхола, то и шхола не есть дочь церкви.

§ 28. Противоположеніе и подчиненіе.

Въ-третьихъ, выводы могутъ быть получаемы чрезъ *противоположеніе*, т. е. чрезъ превращеніе сужденія

съ *измѣненіемъ* его качества. Этимъ путемъ изъ сужденій, приведенныхъ въ § 19 подъ №№ 1, 4, 8, 19, 20, 21, 23, 25 и 26, можно извлечь слѣдующіе выводы: не-простыя (сложныя) тѣла не суть металлы; четырехугольники, которые дѣлятся діагональю на не равные треугольники, не суть параллелограммы; кто влянется, тотъ не ввакеръ; если треугольникъ не равноугольный, то онъ и неравносторонній; если появляется радуга, то солнце не достигло высоты болѣе 42°; если дитя не должно быть своенравнымъ, то не должно исполнять всѣ его желанія; кто не хочетъ идти назадъ, тотъ долженъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ развитіи; судья, который при доказанной невинности обвиненнаго не произноситъ оправдательнаго приговора, несправедливъ; мстительный человекъ не есть истинный христіанинъ.

Въ - четвертыхъ, изъ истинности каждаго общаго сужденія, будетъ ли оно утвердительное, или отрицательное, можетъ быть выводима истинность и всѣхъ подчиненныхъ ему частныхъ и отдѣльныхъ сужденій; такъ какъ все, что имѣетъ значеніе по отношенію къ цѣлому объему понятія, можетъ имѣть то же значеніе по отношенію къ каждой части и къ каждому члену этого объема; и наоборотъ: что не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ цѣлому объему понятія, то также не имѣетъ значенія по отношенію къ части или члену этой сферы (*quidquid de omnibus valet, valet etiam de quibusdam et singulis, quidquid de nullo valet, nec de quibusdam nec de singulis valet*).

Всѣ млекопитающія дышутъ легкими, слѣдовательно и китообразныя, слѣдовательно и дельфинъ; никакое понятіе не врождено, слѣдовательно и категоріи, слѣдовательно и понятіе о пространствѣ. Этотъ родъ выводныхъ сужденій называютъ выводомъ чрезъ подчиненіе (*subalternatio*). Но ясно, что таковой способъ вывода допустимъ только подъ тѣмъ условіемъ, что къ подлежащему выводнаго сужденія подлежащее даннаго сужденія относится какъ сказуемое, т. е., когда въ основаніи вышеприведенныхъ выводныхъ сужденій находятся слѣдующія сужденія: китообразныя суть млекопитающія животныя и т. п. Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что каждый выводъ, совершаемый посредствомъ подчиненія, представляется по своей формѣ *умозаключеніемъ*, сущностью котораго мы и займемся въ слѣдующей главѣ. Если мы возьмемъ обратное отношеніе сужденій, то явится слѣдующее правило: изъ невѣрности отдѣльнаго и частнаго сужденій, — будутъ ли это сужденія утвердительныя или отрицательныя — все равно, слѣдуетъ, очевидно, недостовѣрность обнимающаго ихъ общаго сужденія. Если, напримѣръ, нѣкоторые роды млекопитающихъ животныхъ не живутъ на материкѣ, то, очевидно, нельзя утверждать слѣдующаго положенія: всѣ млекопитающія живутъ на материкѣ; если нѣкоторые люди въ полномъ соответствіи съ своимъ нравственнымъ убѣжденіемъ совершаютъ позорныя дѣла, то, очевидно, нельзя утверждать слѣдующаго положенія: каждый поступокъ, который гармонируетъ съ нравственнымъ убѣжденіемъ;

есть добродѣтеленъ. Впрочемъ, представляющійся здѣсь ходъ мышленія отъ частнаго въ общему, кромѣ даннаго сужденія, предполагаетъ еще посредствующее (хотя и умалчиваемое) сужденіе. Наконецъ ясно, что извѣстное частное сужденіе можетъ имѣть значеніе даже и тогда, когда соотвѣтствующее ему общее не имѣетъ значенія. Если и несправѣдливо, напримѣръ, что *все* понятія происходятъ изъ чувственныхъ воспріятій, то вѣрно, что *нѣкоторыя* понятія обязаны своимъ происхожденіемъ этому источнику; если и ложна мысль, что никакое млекопитающее не живетъ въ водѣ, то, тѣмъ не менѣе, совершенно вѣрно сужденіе, что многія млекопитающія не могутъ жить въ водѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

---

§ 29. Примѣры.

№ 1., Всякое тѣло отъ дѣйствія теплоты расширяется; рельсы желѣзной дороги суть тѣла; слѣдовательно и рельсы желѣзной дороги расширяются отъ дѣйствія теплоты.

2., Китообразныя суть млекопитающія животныя; млекопитающія животныя дышутъ легкими; слѣдовательно, китообразныя дышутъ легкими.

3., Никакой человекъ не долженъ быть боготворимъ; всѣ гении суть люди; слѣдовательно, никакой гений не долженъ быть боготворимъ.

4., Научныя убѣжденія независятъ отъ воли; что независитъ отъ воли, то и не можетъ подлежать дѣйствию карательныхъ законовъ; слѣдовательно, научныя убѣжденія не могутъ подлежать дѣйствию карательныхъ законовъ.

5., Всѣ честолюбцы руководствуются въ своей дѣятельности личными цѣлями; нѣкоторые общественные дѣятели суть честолюбцы; слѣдовательно нѣкоторые общественные дѣятели руководствуются въ своей дѣятельности личными цѣлями.

6., Нѣкоторые элементы суть газы; всѣ газы легче воды; слѣдовательно, нѣкоторые элементы легче воды.

7., Никакое млекопитающее животное не имѣетъ холодной крови; нѣкоторыя морскія животныя суть млекопитающія; слѣдовательно, нѣкоторыя морскія животныя не имѣютъ холодной крови.

8., Нѣкоторые благочестивые люди являлись людьми жестокими; никакой жестокой человекъ не можетъ быть названъ истиннымъ христианиномъ; слѣдовательно, нѣкоторые благочестивые люди не могутъ быть названы истинными христианами.

9., Никакая пустая мечта не пользуется вниманіемъ благоразумныхъ людей; нравственные принципы уважаются всѣми благоразумными людьми; слѣдовательно, нравственные принципы отнюдь не пустая мечта.

10., Всѣ діаметры въ кругѣ равны; пути пла-

нетъ не представляютъ равныхъ діаметровъ; слѣдовательно, пути планетъ не круги.

11., Никакая истина не находится въ противорѣчїи съ неоспоримыми фактами; нѣкоторыя весьма распространенныя мнѣнія находятся въ противорѣчїи съ неоспоримыми фактами; слѣдовательно, нѣкоторыя весьма распространенныя мнѣнія не суть истины.

12., Всѣ умозаключенія образуются изъ сужденій; всѣ умозаключенія суть акты мышленія; слѣдовательно, нѣкоторые акты мышленія образуются изъ сужденій.

13., Романы суть поэтическія произведенія; романы не пишутся стихами; слѣдовательно, нѣкоторыя поэтическія произведенія не пишутся стихами.

14., Нѣкоторыя ящерицы рождаютъ живыхъ дѣтенышей; всѣ ящерицы суть пресмыкающіяся животныя; слѣдовательно, нѣкоторыя пресмыкающіяся животныя рождаютъ живыхъ дѣтенышей.

§ 30. Сущность умозаключенія.

Всѣ вышеприведенныя произведенія мышленія суть *умозаключенія*. Спрашивается: что же во всѣхъ нихъ есть общаго, и — слѣдовательно — въ чемъ заключается ихъ сущность? — Умозаключеніе (*sillogismus*) есть выводъ какого-нибудь сужденія изъ двухъ данныхъ сужденій. Данныя сужденія, насколько они являются посредствующими въ отношеніи къ новому сужденію, называются *посылками* (*propositiones praemissae*); сужденіе же, которое изъ нихъ выводится, называется *заключеніемъ*

(conclusio). Обѣ послыки заключаютъ вмѣстѣ ни болѣе и ни менѣе, какъ три главныхъ составныхъ части: одна изъ нихъ бываетъ подлежащимъ въ заключеніи и называется *меньшимъ* понятіемъ (*terminus minor*); другая бываетъ сказуемымъ въ заключеніи и называется *высшимъ* понятіемъ (*terminus major*); третья, которая входитъ въ обѣ послыки, но не содержится въ заключеніи, называется *среднимъ* понятіемъ (*terminus medius*). Это послѣднее понятіе имѣетъ цѣлю ясно показать связь между высшимъ и меньшимъ понятіемъ и чрезъ это быть какъ-бы посредникомъ при образованіи заключенія, отчего оно и получило свое названіе (*terminus medius*). Посылка, въ составъ которой входитъ подлежащее заключеніе, называется меньшей или низшей посылкой (*propositio minor*); посылка же, въ составъ которой входитъ сказуемое заключенія, называется большей или высшей посылкой (*propositio major*). Что касается мѣста обѣихъ посылокъ въ составѣ умозаключенія, то оно совершенно безразлично: какъ большая посылка, такъ равнымъ образомъ и меньшая могутъ одинаково занимать первое мѣсто.

Чтобы наглядно убѣдиться въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ сужденій, обратимся въ нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Въ силлогизмъ подъ № 1-мъ высшее понятіе: разширеніе отъ дѣйствія теплоты; меньшее понятіе: рельсы желѣзной дороги; среднее понятіе: тѣла. Это послѣднее понятіе заключаетъ въ себѣ, какъ признакъ, высшее понятіе и обнимаетъ собою меньшее понятіе, какъ одинъ изъ своихъ

видовъ; а такъ какъ каждый видъ заключаетъ существенные признаки своего рода, то, очевидно, меньшему понятію долженъ принадлежать тотъ же признакъ, который принадлежитъ и среднему понятію, т. е. высшее понятие; такимъ образомъ, заключеніе является основаннымъ на посредничествѣ среднего понятія. Высшая посылка занимаетъ здѣсь первое мѣсто. Въ силлогизмѣ подъ № 2 первое мѣсто занимаетъ меньшая посылка. Въ этомъ силлогизмѣ «китообразныя» есть меньшее понятіе, «млекопитающія» — среднее понятіе, «дышать легкими» (дыханіе посредствомъ легкихъ) — высшее понятіе. Среднее понятіе играетъ здѣсь ту же роль, какъ и въ первомъ примѣрѣ. Въ силлогизмѣ подъ № 10 «кругъ» есть высшее понятіе, «равенство діаметровъ» — среднее понятіе, «пути планетъ» — меньшее понятіе. Такъ какъ здѣсь меньшее понятіе не заключаетъ въ себѣ среднего понятія въ значеніи признака, то оно не можетъ также быть и видомъ высшаго понятія, которое, между тѣмъ, заключаетъ въ себѣ среднее понятіе, какъ выражающее его признакъ. Вотъ почему въ данномъ силлогизмѣ среднее понятіе и обуславливаетъ *невозможность соединенія* высшаго понятія съ меньшимъ и слѣдовательно, способствуетъ образованію отрицательнаго сужденія. Въ силлогизмѣ подъ № 13 «романъ» есть среднее понятіе, «поэтическое произведеніе» — меньшее понятіе, «стихотворная рѣчь» — высшее понятіе. — Такъ какъ среднее понятіе заключается въ объемѣ меньшаго понятія, но *не входитъ въ объемъ* высшаго понятія, то, очевидно, что по крайней мѣрѣ

та часть меньшаго понятія, которая обнимается среднимъ понятіемъ, должна находиться внѣ сферы высшаго понятія, то-есть, другими словами: должно быть образовано частное отрицательное сужденіе.

§ 31. Роды и виды умозаключеній.

Изъ вышеизложеннаго ясно, какое важное значеніе въ каждомъ умозаключеніи имѣетъ среднее понятіе. Оно играетъ въ умозаключеніи ту же роль, какую связка въ сужденіи; а по этому, его можно было бы назвать связкой умозаключенія. Смотри по мѣсту, какое занимаетъ въ обѣихъ посылкахъ среднее понятіе, различаютъ три главныхъ рода силлогизма: А именно: среднее понятіе можетъ быть въ одной посылкѣ подлежащимъ, а въ другой—сказуемымъ, или въ обѣихъ посылкахъ связуемымъ, или наконецъ въ обѣихъ посылкахъ подлежащимъ. Происходящіе отсюда роды силлогизма называютъ *фигурами умозаключеній* и представляютъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) MP	2) PM	3) MP
$\frac{SM}{SP}$	$\frac{SM}{SP}$	$\frac{MS}{SP}$

Въ этихъ фигурахъ Р означаетъ высшее понятіе, М—среднее понятіе, S—меньшее понятіе.

Первая фигура составлена здѣсь такимъ образомъ, что среднее понятіе является въ ней подлежащимъ въ большой посылкѣ и связуемымъ въ меньшей. Конечно,

можетъ имѣть мѣсто и обратное отношеніе; но это обстоятельство имѣетъ такое малое значеніе, что мы его опускаемъ. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ силлогизмовъ *восемь* первыхъ принадлежатъ къ первой фигурѣ, *три* слѣдующихъ—во второй и *три* послѣднихъ—къ третьей.

Должно замѣтить, что въ сферѣ каждаго рода умозаключенія находятся многочисленныя различія, такъ что каждый *родъ* умозаключенія имѣетъ нѣсколько *видовъ* (modi) умозаключенія. Это зависитъ оттого, что посылками могутъ быть весьма различныя сужденія какъ по качеству, такъ и по количеству. Въ логикахъ эти различнаго рода сужденія условно обозначаютъ буквами, а именно: общее утвердительное сужденіе буквой *a*, общее отрицательное—буквой *e*, частное утвердительное—буквой *i* и, наконецъ, частное отрицательное буквой *o*. Такимъ образомъ вышеприведенные въ § 29 примѣры силлогизмовъ могутъ быть обозначены слѣдующими формулами:

1) $\frac{MaP}{SaM}$ $\frac{SaP}{SaP}$	2) $\frac{SaM}{MaP}$ $\frac{MaP}{SaP}$	3) $\frac{MeP}{SaM}$ $\frac{SaM}{SeP}$	4) $\frac{SaM}{MeP}$ $\frac{MeP}{SeP}$	5) $\frac{MaP}{SiM}$ $\frac{SiM}{SiP}$
6) $\frac{SiM}{MaP}$ $\frac{MaP}{SiP}$	7) $\frac{MeP}{SiM}$ $\frac{SiM}{SoP}$	8) $\frac{SiM}{MeP}$ $\frac{MeP}{SoP}$	9) $\frac{PeM}{SaM}$ $\frac{SaM}{SeP}$	10) $\frac{PaM}{SeM}$ $\frac{SeM}{SeP}$
	11) $\frac{PeM}{SiM}$ $\frac{SiM}{SoP}$	12) $\frac{MaP}{MaS}$ $\frac{MaS}{SiP}$	13) $\frac{MaS}{MeP}$ $\frac{MeP}{SoP}$	14) $\frac{MiP}{MaS}$ $\frac{MaS}{SiP}$

§ 32. Законы образованія умозаключеній.

Ясно, что въ каждомъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ по крайней мѣрѣ одна посылка—утвердительное

сужденіе и по крайней мѣрѣ одна посылка—сужденіе общее. Изъ двухъ отрицательныхъ или изъ двухъ частныхъ сужденій не можетъ быть выведено никакое надежное (категорическое, т. е. съ полною увѣренностью въ истинѣ составленное) заключеніе, но лишь въ большей или меньшей степени вѣроятное. Такъ на примѣръ, сужденія: ящерицы не суть рыбы, и рыбы не рожаютъ живыхъ дѣтенышей, — не даютъ еще права утверждать, что ящерицы раждаютъ живыхъ дѣтенышей, или наоборотъ; равнымъ образомъ изъ положеній: нѣкоторыя тѣла газообразны, нѣкоторыя тѣла ядовиты,—слѣдуетъ лишь одно только предположеніе, что есть ядовитые газы, или существуютъ газообразные яды.

Далѣе, очевидно, что, (какъ выше уже замѣчено), обѣ послыки вмѣстѣ имѣютъ *только три* составныя части; если же будетъ привнесено еще четвертое представленіе, то надежное (категорическое) заключеніе и въ этомъ случаѣ представляется невозможнымъ, потому что въ такомъ силлогизмѣ не оказалось бы никакого средняго понятія. Конечно, такія умозаключенія совершенно правильны, какъ, на примѣръ, слѣдующія: всѣ рыбы размножаются посредствомъ икры; дельфины рожаютъ живыхъ дѣтенышей; слѣдовательно, они не суть рыбы; или: каждая добродѣтель похвальна; скупость достойна порицанія; слѣдовательно, скупость не есть добродѣтель. Но во всѣхъ такихъ умозаключеніяхъ послыки имѣютъ *только повидимому* четыре составныя части, потому что одна изъ посылокъ есть ничто иное, какъ отрицаніе другой; а именно: «дельфины рожаютъ жи-

выхъ дѣтенышей», «скупость достойна порицанія» въ вышеприведенныхъ умозаключеніяхъ значать ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣдующее: «дельфины не размножаются посредствомъ икры», «скупость не похвальна».

Что касается качества и количества сужденій умозаключенія, то относительно ихъ имѣютъ значеніе слѣдующія правила: если обѣ посылки — утвердительныя сужденія, то и заключеніе будетъ также утвердительное (см. №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14); если одна посылка отрицательное сужденіе, то и заключеніе будетъ отрицательное (см. №№ 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 13); если обѣ посылки — сужденія общія, то и заключеніе будетъ или общее (см. №№ 1, 2, 3, 4, 9, 10), или частное (см. №№ 12, 13); если одна посылка есть сужденіе частное, то и заключеніе будетъ также частное (см. №№ 5, 6, 7, 8, 11, 14).

§ 33. Гипотетическія умозаключенія, омпаннныя умозаключенія.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ умозаключенія называются *категорическими*, потому что въ нихъ посылки и заключенія состоятъ изъ категорическихъ сужденій. Но можно также и изъ гипотетическихъ посылокъ выводить заключеніе, которое одинаковожъ останется тоже гипотетическимъ. Нижеслѣдующіе два примѣра могутъ достаточно пояснить дѣло: если лѣтомъ случается засуха, то бываетъ неурожай полевыхъ плодовъ; если же бываетъ неурожай пло-

довъ, то происходитъ дороговизна. Если нѣтъ вѣрнаго и надежнаго правоваго порядка, то не развивается народное благосостояніе; если не исполняются законы государства, то не существуетъ вѣрнаго и надежнаго правоваго порядка; слѣдовательно, если законы государства не соблюдаются, то не можетъ развиваться народное благосостояніе.

Равнымъ образомъ, изъ посылокъ умозаключенія одна можетъ быть гипотетическою, а другая категорическою. Если категорическая посылка утверждаетъ то именно *основаніе* (т. е. основаніе познанія, или реальную причину—см. § 25), которое предположительно высказывается въ гипотетической послыкѣ, то въ такомъ случаѣ можетъ быть выведено утвердительное категорическое заключеніе (*modus ponens*); если же категорическая посылка отрицаетъ то именно *слѣдствіе*, которое предположительно высказывается въ гипотетической послыкѣ, то въ такомъ случаѣ образуется отрицательное категорическое заключеніе (*modus tollens*). Обращаемся къ примѣрамъ, рассмотрѣніе которыхъ всего лучше можетъ объяснить эти способы умозаключеній. Если нѣкоторыя животныя могутъ дышать въ водѣ, то она должна заключать въ себѣ кислородъ; но животныя дѣйствительно дышатъ въ водѣ; слѣдовательно, вода содержитъ въ себѣ кислородъ. Колумбъ думалъ: «если земля шарообразна, то, отправляясь изъ Испаніи по направленію къ западу, я могу достигнуть Индіи»; земля же дѣйствительно шарообразна; слѣдовательно, Колумбъ, отправляясь изъ

Испаніи и держась направленія на западъ, могъ достигнуть Индіи. — Если бы персы во времена Александра проникнуты были чувствомъ патріотизма, то они защищали бы свое отечество мужественнѣе; но они не защищали мужественно своего отечества; слѣдовательно, они не были одушевлены чувствомъ патріотизма. Спрашивается: въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся послышки *первыхъ двухъ* умозаключеній и какое получается заключеніе? Въ какой взаимной связи стоятъ послышки *третьяго* умозаключенія, — и къ какому приводятъ заключенію?

Точно также и соединительныя, и раздѣлительныя сужденія могутъ быть употребляемы въ качествѣ посылокъ умозаключенія. Возьмемъ слѣдующіе примѣры: всѣ тѣла или тверды, или жидки, или газообразны; но и твердыя, равно какъ и жидкія, и газообразныя тѣла — упруги; слѣдовательно, всѣ тѣла упруги. Всѣ европейцы принадлежать или къ кавказской, или къ монгольской расѣ; венгры не принадлежать къ кавказской расѣ; слѣдовательно, они суть монгольской расы. Всѣ понятія или врождены, или произошли изъ внѣшнихъ воспріятій, или изъ внутреннихъ воспріятій; всѣ психологическія понятія произошли изъ внутреннихъ воспріятій; слѣдовательно, они не врождены и не произошли изъ внѣшнихъ воспріятій.

Можно разсмотрѣть и еще слѣдующія умозаключенія: Еслибы народное образованіе было развращающимъ, то оно влекло бы за собою или безнравственность, или несчастія; но ни того, ни другого нѣтъ на са-

момъ дѣлѣ; слѣдовательно, народное образованіе не должно быть считаемо развращающимъ. *Лейбницъ* (+1716) въ своемъ сочиненіи «Теодицея», изслѣдуя вопросъ объ отношеніи Бога къ міру, чтобы показать цѣлесообразность, существующую въ этомъ отношеніи, и опровергнуть упреки, будто дѣйствія Божіи въ мірѣ не имѣютъ цѣли и значенія, — строитъ слѣдующее умозаключение: если бы существующій міръ не былъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, то нужно предположить, что Богъ или не зналъ лучшаго міра, или не могъ и создать, и сохранить его такимъ, или не хотѣлъ создать и сохранить такимъ; но всѣ три предположенія не могутъ быть допущены (принимая во вниманіе всевѣдѣніе, всемогущество и благодѣтельность Божію); слѣдовательно, дѣйствительный міръ есть лучший изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. — Подобнаго рода умозаключенія называются *дилеммой*, *трилеммой* или *полилеммой*, смотря потому, сколько предположеній входитъ въ высшую послышку, два, три или болѣе. Меньшая послышка *отрицаетъ* всѣ вообще предположенія и такимъ образомъ ведетъ къ заключенію, которое представляетъ собою противорѣчающую противоположность гипотезѣ большой послышки. Этого рода силлогизмы употребляютъ при спорахъ и при непрямыхъ доказательствахъ. Въ обширномъ смыслѣ, всякое вообще умозаключеніе, большая послышка котораго состоитъ изъ раздѣлительныхъ и соединительныхъ сужденій, называется *дилеммой*, *трилеммой*, или *полилеммой*.

§ 34. Сложныя умозаключенія (сориты), ложныя умозаключенія.

Часто пользуются заключеніемъ одного силлогизма какъ посылкой для новаго умозаключенія, вслѣдствіе чего два или нѣсколько умозаключеній могутъ быть соединены въ одно цѣлое, образуя такимъ образомъ цѣлую *цѣпь умозаключеній*. Для примѣра, въ заключеніи: рельсы желѣзной дороги расширяются отъ дѣйствія теплоты (§ 29 № 1), присоединимъ новыя сужденія: лѣтомъ бываетъ теплѣе, чѣмъ зимою; слѣдовательно, лѣтомъ рельсы желѣзной дороги должны дѣлаться длиннѣе, чѣмъ зимою, — изъ чего, далѣе, слѣдуетъ новое заключеніе, а именно: если рельсы кладутъ въ холодное время года, то должно оставлять значительныя промежутки между ихъ концами. Возьмемъ и другое сужденіе: пути планетъ не суть правильные круги, (§ 29 № 10); присоединяя къ нему новое сужденіе: путь земли есть путь планеты, — получимъ новое заключеніе: путь земли не есть правильный кругъ. — Часто *сокращаютъ* такую цѣпь умозаключеній, когда предполагаютъ часть посылокъ признанными и потому о нихъ умалчиваютъ. — Составленныя такимъ путемъ сложныя формы умозаключеній называются *соритами*. Напримѣръ: если грубо и сурово обращаются съ ученикомъ, то дѣлаютъ его робкимъ и боязливымъ; если ученикъ становится робокъ и боязливъ, то въ немъ ослабляется вниманіе; если же вниманіе ученика сла-

бо, то онъ не можетъ усвоить себѣ вполне всего того, что ему преподается; если же ученикъ не вполне усваиваетъ преподаваемое, то не оказываетъ удовлетворительныхъ успѣховъ; слѣдовательно, если обращаются съ ученикомъ грубо и сурово, то препятствуютъ его удовлетворительнымъ успѣхамъ.

Наконецъ, едвали нужно замѣтить, что значеніе каждаго умозаключенія зависитъ прежде всего отъ его *правильности*. *Ложныя* умозаключенія происходятъ или изъ заблужденія, или изъ намѣренія ввести въ заблужденіе. Въ первомъ случаѣ умозаключенія называются *паралогизмами*, во второмъ — *софизмами*. Невѣрность умозаключенія можетъ заключаться въ каждой изъ его частей: въ какой — либо ложной послышѣ, въ ошибочномъ соединеніи двухъ самихъ по себѣ совершенно вѣрныхъ сужденій, но не имѣющихъ между собою никакой общей составной части (средняго понятія), наконецъ, въ составленіи таковаго заключенія, которое не вытекаетъ дѣйствительно изъ посылокъ. Кто ясно понималъ вышеизложенные законы мышленія, тотъ съумѣетъ предостеречь себя отъ ошибочныхъ умозаключеній. Вотъ нѣкоторые примѣры подобнаго рода умозаключеній. Воспитаніе должно сообразоваться съ врожденными задатками природы человѣка; сословныя особенности врождены; слѣдовательно, воспитаніе должно заботиться о сохраненіи сословныхъ особенностей. Свободный человѣкъ дѣлаетъ то, что ему угодно; въ республикѣ всѣ люди свободны; слѣдовательно, въ республикѣ люди дѣлаютъ то, что имъ угодно. Невѣжество народа есть

охрана общественного порядка; общественный же порядокъ величайшее благо; слѣдовательно, должно заботиться о поддержаніи невѣжества народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ПОЗНАНІИ ВООБЩЕ.

---

§ 35. Общее обзорѣніе.

Мы ознакомились съ разнообразными формами человѣческаго мышленія. При этомъ каждый разъ обнаруживалось, что формы мышленія предполагаютъ матеріаль знанія, къ которому онѣ могли бы быть примѣнены. Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ исходному пункту (§ 2) нашихъ разсужденій. И дѣйствительно, мышленіе не составляетъ собою всего процесса познавательной дѣятельности: оно только вторая ступень его. Мышленію должно *предшествовать* непосредственное познаніе вещи (см. §§ 2 и 25), накопленіе *матеріала мышленія*, — и не прежде можно мыслить, какъ научившись предварительно познавать потребные для него факты. Многіе изъ этихъ фактовъ каждому умственно-здоровому человѣку предлагаются какъ бы сами собой, являясь безъ всякаго труда со стороны самаго человѣка фактами его сознанія, путемъ внутреннего и внѣшняго воспріятія.

Но человѣку не свойственно относиться только пассивно къ воспринимаемымъ впечатлѣніямъ: онъ самъ ищетъ ихъ, производя рядъ наблюдений и опытовъ. — *Наблюденіемъ* называется преднамѣренное, сознательное и внимательное усвоеніе впечатлѣній отъ предметовъ и явленій внѣшняго и внутренняго міра. — *Опытъ*, или *экспериментомъ*, называется искусственное произведеніе условій, необходимыхъ для всесторонняго изученія даннаго явленія (естественно-историческіе, сельско-хозяйственные, медицинскіе, педагогическіе опыты и т. д. ¹⁾). Усилія ума, направленныя вообще къ

¹⁾ Подъ наблюденіемъ мы разумѣемъ вообще безыскусственное умственное слѣдованіе за фактами, совершающимися предъ нашими внѣшними чувствами, иначе говоря, подъ наблюденіемъ мы разумѣемъ безыскусственное ознакомленіе съ фактами въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ нашихъ чувствъ природа. Подъ опытомъ (или экспериментомъ) разумѣется, напротивъ, искусственное произведеніе факта согласно цѣлямъ и намѣренію изслѣдователя. Напримѣръ, мы слѣдимъ за явленіями свѣта, грозы, молніи, роста какого-нибудь животнаго и т. п. Въ этихъ случаяхъ мы рассматриваемъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ намъ природа: мы не употребляемъ никакихъ усилій, дабы направить ихъ сообразно нашей цѣли, мы не избираемъ здѣсь какую-нибудь сторону факта съ цѣлію уединить ее и т. д.; мы присутствуемъ здѣсь какъ безразличные зрители при событіи. При опытѣ мы беремъ явленіе въ свои руки и, такъ сказать, пробуемъ его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ мы желали бы составить понятіе о немъ. Физикъ сажаетъ какое-либо животное въ пустоту, гдѣ нѣтъ воздуха, и находитъ, что животное по прошествіи нѣсколькихъ минутъ умираетъ, изъ чего онъ выводитъ, что воздухъ есть необходимое условіе для жизни. Это есть, очевидно, опытъ, потому что пустоты, лишенной воздуха, природа намъ не представляетъ: физикъ долженъ искусственно произвести ее и воспользоваться ею для своей цѣли. Событіе здѣсь приравнивается изслѣдователемъ къ тому, чтобы достигалась цѣль изслѣдованія. Когда химикъ пробуетъ производить различныя соединенія элементовъ, то онъ искусственно производитъ фактъ, событіе для цѣлей своего

утвержденію научныхъ фактовъ, называются *исслѣдованіемъ*. При этомъ главною задачею является непосредственное познаніе дѣйствительности, и органами этого непосредственнаго познанія служатъ чувства и самосознаніе. Если при этомъ познавательная дѣятельность наша выражается въ томъ, что данный предметъ или явленіе изъ міра дѣйствительности подвергается разложенію на свои составныя части и элементы, то ходъ познанія называется *аналитическимъ*; если же познавательная дѣятельность имѣетъ цѣлію обнять явленіе въ различные моменты его развитія, или же прослѣдить взаимное отношеніе различныхъ предметовъ и событій, то ходъ познанія называется *синтетическимъ*.

Если посредственное познаніе, слѣдующее за непосредственнымъ познаніемъ, то есть, мышленіе, должно представить совершенно правильныя произведенія, то для этого необходимо, чтобы—*во-первыхъ*, положенныя въ основаніе ихъ воспріятія,—будутъ ли это наши, или другихъ людей, все равно,—соотвѣтствовали міру дѣйствительности; *во-вторыхъ*—формы мышленія, въ которыхъ выражается дѣятельность его, строго соотвѣт-

---

исслѣдованія. Опытъ отличается, слѣдовательно, отъ наблюденія главнѣйшимъ образомъ искусственностію. Разумѣется, говоря, что въ опытѣ событіе имѣетъ искусственный характеръ, мы разумѣемъ не то, что экспериментъ можетъ произвести событіе, не подчиняясь законамъ природы: и при экспериментѣ, какъ и при наблюденіи, событіе производится самою природою по ея законамъ, но только это произведеніе обставляется такими условіями, что природа отвѣчаетъ при этомъ изслѣдователю на вопросы, имъ предлагаемые.» См. М. Владиславлевъ. Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія и проч. стр. 230.

ствовали логическимъ законамъ.—Только подъ этими условіями мы можемъ составлять безошибочныя сужденія, опредѣленія, раздѣленія, выводы и умозаключенія. Въ процессѣ этого посредственнаго познанія, или—что тоже—мышленія, какъ и въ процессѣ непосредственнаго познанія, наблюдаются тѣ же два пути: *аналитическій* и *синтетическій*. *Первый* выражается въ томъ, что мы раздѣляемъ наши представленія на ихъ составныя части для того, чтобы общее въ нихъ возвести къ понятіямъ и всеобщимъ сужденіямъ (правиламъ), благодаря чему можно было бы восходить такимъ образомъ отъ конкретнаго къ абстрактному.—*Второй* выражается въ томъ, что мы связываемъ между собою такія представленія, которыя не представляются соединенными вмѣстѣ при непосредственномъ познаніи, или присоединяемъ къ какому-нибудь общему представленію (понятію) ближайшіе признаки подчиненныхъ ему представлений. Методическое примѣненіе этихъ двухъ путей мышленія къ научнымъ цѣлямъ называется *индукціей* и *дедукціей*.

Совокупность непосредственныхъ и посредственныхъ познаній (воспріятій, сужденій, опредѣленій, раздѣленій, умозаключеній), относящихся къ извѣстной опредѣленной области представлений, называется *наукою*; форма науки, то есть, упорядоченное соединеніе всѣхъ познаній, относящихся къ данной области,—называется *системой* (зданіе науки). Разработка меньшаго круга познаній называется или *теоріей*, или *монографіей*, смотря потому, чѣмъ по преимуществу

разрѣшается научная задача: мышленіемъ, или фактами опыта. Приведеніе въ порядокъ (расчлененіе) матеріала для научнаго изложенія, какой бы объемъ оно ни имѣло, называется *расположеніемъ* (*dispositio*). Это послѣднее, смотря по своимъ особеннымъ цѣлямъ, можетъ пользоваться всѣми возможными формами познанія: воспріятіями (описаніе и разсказъ), опредѣленіями, раздѣленіями, выводами, умозаключеніями.

Такимъ образомъ, намъ остается вышеизложенныя общія указанія разяснить спеціальными соображеніями.

§ 36. Формальныя начала науки.

Каждая научная система и каждое научное разсужденіе состоитъ изъ множества мыслей. Но это множество должно имѣть единство, представлять собою внутреннимъ образомъ стройно связанное цѣлое, т. е. соединяемыя между собой массы представленій не должны другъ другу противорѣчить, или быть чуждыми; но наоборотъ они должны, такъ сказать, гармонизировать другъ съ другомъ, взаимно поддерживать другъ друга и расширять. Для этого необходима не только однородность матеріала познанія, но и пользованіе соответственнымъ опособомъ познаванія. Первое условіе заключается въ существѣ подлежащихъ изслѣдованію предметовъ, второе—въ *основаніяхъ* (принципахъ), руководящихъ научною работою. Каждая наука опирается на извѣстныхъ общихъ положеніяхъ, руководясь которыми, направляется къ образованію представленій и соединенію ихъ. Разсматриваемыя съ логичес-

вой точки зрѣнія, эти положенія суть сужденія и притомъ сужденія обширныя по объему. Сюда прежде всего принадлежать имѣющіе значеніе для всякаго мышленія законы тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія (см. § 23 и слѣд.) Мы желали бы назвать ихъ *формальными* началами всякой науки, потому что безъ слѣдованія имъ никакая наука, каково бы ни было ея содержаніе, не можетъ достигнуть своей цѣли.

Эта цѣль, высшая идея, основной принципъ всей познавательной дѣятельности человѣка, есть истина. Кто истину дѣлаетъ цѣлью своихъ стремленій, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ, что человѣческій духъ способенъ къ познанію ея и имѣетъ неоспоримое право на свободное развитіе этой способности. Безъ этихъ предположеній свободная наука была бы немислима. На пути стремленія къ истинѣ не должно быть поставляемо никакихъ ограниченій и стѣсненій. Законодательная власть въ царствѣ мышленія принадлежитъ лишь законамъ познанія. — Логика, какъ законодательница въ царствѣ мыслей, можетъ признавать только убѣдительную власть истины. — Ея путеводною звѣздой служитъ законосообразность, лежащая въ самомъ человѣческомъ духѣ, — и она не признаетъ никакого другаго ручательства за достоинство знанія. — Поэтому-то для каждаго положенія она требуетъ доказательствъ неопровержимыми фактами или строгою логичностью выводовъ и умозаключеній.

Вотъ что должно имѣть въ виду относительно фор-

мальныхъ принциповъ познанія. — Обращаемся затѣмъ къ *матеріальнымъ*. Спрашивается: какимъ же образомъ мы првходимъ къ такимъ положеніямъ, содержаніе которыхъ настолько достовѣрно и всеобъемлюще, что они могутъ служить основаніемъ для другихъ воззрѣній?

§ 37. Индукція.

Факты служатъ исходными пунктами нашего знанія; но они даютъ намъ прежде всего только единичныя представленія и частныя сужденія. А поэтому, чтобы достигнуть точнаго познанія сущности и отношеній вещи, или свойствъ и условій даннаго явленія, необходимо направлять свое вниманіе прежде всего на частное и на немъ сосредоточивать его. Но для того, чтобы такимъ путемъ открыть *всеобщія* истины, мы должны сводить однородные признаки и отношенія *многихъ* вещей или явленій къ высшему единству, къ общимъ сужденіямъ и опредѣленіямъ,—и такимъ путемъ достигать порядка въ нашихъ знаніяхъ и возможности обозрѣть ихъ. Вотъ такой-то путь, то есть, путь сбразованія общихъ воззрѣній изъ частныхъ называется *индукціей*. Она всегда предполагаетъ анализъ данныхъ представленій и постоянно есть синтезисъ многихъ однородныхъ данныхъ.

Индукція называется *полною*, когда *всѣ* предметы, которымъ можетъ быть приписанъ извѣстный признакъ, изслѣдованы и найдены сходными по отношенію къ

тому, что служило задачей изслѣдованія; она называется неполною, если только изслѣдована *часть* объема предмета. Если, напримѣръ, доказано обращеніе около оси Меркурія, Венеры, Земли, Марса и Сатурна, то можетъ быть составлено положеніе: *всѣ старыя* планеты обращаются вокругъ собственной оси; но эта же индуктивная истина была бы недостаточною для прочнаго обоснованія слѣдующаго сужденія: *всѣ* планеты вообще имѣютъ обращеніе вокругъ оси. Далѣе, если опытами доказано, что *многіе* газы обращаются въ жидкости, то вопросъ о томъ, *всѣ* ли они обращаются въ жидкости, продолжаетъ еще оставаться проблемой, какъ бы ни казалось это вѣроятнымъ.

Вообще говоря, индуктивный способъ познанія естественно тѣмъ надежнѣе, чѣмъ полнѣе мы можемъ обозрѣть извѣстную область познаній. Въ этомъ отношеніи математика, логика, эмпирическая психологія, ученіе о нравственности, равно какъ и наука о языкѣ, представляютъ весьма много благопріятныхъ условій. Треугольники, евадраты, круги и т. д., понятія, сужденія, умозаключенія и т. д., ощущенія, чувства, склонности, условія обнаруженія желаній и т. д., могутъ быть провѣрены нами въ живыхъ многочисленныхъ фактахъ непосредственно изъ внутреннихъ воспріятій, чтобы можно было убѣдиться во всеобщемъ значеніи научныхъ положеній, примѣнимыхъ къ частнымъ фактамъ. Отсюда происходитъ очевидная достовѣрность математическихъ, логическихъ, психологическихъ, нравственныхъ законовъ: эта достовѣрность до такой сте-

пени очевидна, что всякій, кто вообще способенъ къ размышленію, невольно долженъ будетъ признать ихъ значеніе, коль скоро будетъ указанъ ему соотвѣствующій кругъ знаній. Что касается науки о языкѣ, то въ этой области знаній тысячекратно непосредственный опытъ убѣждаетъ каждаго въ томъ, что слова, предложенія, рѣчь, письменное изложеніе есть ничто иное, какъ внѣшнее выраженіе результатовъ психической дѣятельности и въ частности нашихъ мыслей.— Вотъ почему, такая тѣсная связь между мышленіемъ и языкомъ является руководящимъ принципомъ извѣстнаго направленія въ наукѣ о языкѣ, представителемъ котораго служить *Карлъ Беккеръ* ¹⁾. Но съ другой стороны не менѣе индуктивнымъ является и то научное положеніе, по которому языкъ представляется чѣмъ - то развивающимся во времени, результатомъ непрерывнаго процесса развитія; потому что и это положеніе основывается на фактахъ, представляемыхъ памятниками литературы. И эта мысль также служитъ главнымъ принципомъ такъ называемой исторической школы въ изученіи языка, представителемъ которой является *Яковъ Гриммъ* ²⁾.

---

¹⁾ Критику воззрѣній К. Беккера см. въ сочиненіи Штейнгаля: *Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander.* Berlin 1855. Извлеченіе изъ этого сочиненія представляетъ статья г. Потебни: «Мысль и Языкъ» см. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1862 годъ.

²⁾ Подробное изложеніе этого взгляда на языкъ находится въ сочиненіи Макса Мюллера: „Лекціи по наукѣ о языкѣ.“ Изд. редакціи «Библиотеки для чтенія». СПб. 1865.

Индуктивный способъ менѣе надежнымъ является тамъ, гдѣ предметы познанія находятся *оми* насъ. Причина этого заключается въ томъ, что нѣтъ возможности наблюдать и изслѣдовать каждый отдѣльный экземпляръ того или другого рода растений и животныхъ, каждый отдѣльный случай физическихъ или химическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе именно естественныя науки обязаны своимъ широкимъ развитіемъ преимущественно индукціи, такъ какъ она, основываясь на мысли, что во всей природѣ господствуетъ принципъ законности, изъ суммы частныхъ опытовъ стремится выводить общія положенія. Такимъ путемъ были найдены всѣ научныя положенія о строеніи и жизни растений и животныхъ, о физическихъ свойствахъ тѣлъ, о всеобщединаковомъ дѣйствіи силы тяготѣнія. Даже такія всеобщія основныя мысли всѣхъ наукъ, какъ напримѣръ, мысль, что вообще существуютъ законы природы, что законы эти неизмѣнны; или: нѣтъ дѣйствія безъ причины, пѣтъ причины безъ дѣйствія, одинаковыя причины производятъ и одинаковыя дѣйствія; или: ничто существующее не исчезаетъ безслѣдно, никакое явленіе не проходитъ безъ вліянія и т. п.,—суть индуктивнаго происхожденія; потому что онѣ являются результатами безчисленныхъ воспріятій нашихъ чувствъ и нашего самосознанія.

Конечно, еслибы стали требовать отъ индукціи, что-бы она вполне исчерпала каждый отдѣльный предметъ, каждое отдѣльное явленіе, тогда—пожалуй—придется сомнѣваться и въ такихъ всеобщихъ истинахъ,

какъ на примѣръ: всѣ люди смертны, потому что фактически еще не доказано, что подлежатъ смерти всѣ люди, живущіе теперь и имѣющіе жить въ будущемъ. Въ такихъ случаяхъ должно полагаться именно на законность всего, что существуетъ и происходитъ въ природѣ. Только не слѣдуетъ, конечно, спѣшить изъ множества случаевъ выводить *общее правило безъ исключеній*. Если многія животныя четвероногія, то это не значить еще, что всѣ животныя имѣютъ четыре ноги; если многія представленія пріобрѣтаются посредствомъ чувствъ, то это не значить еще, будто *все* содержаніе нашего мышленія прористекаетъ изъ этого источника; если во многихъ членахъ того и другаго сословія или народа встрѣчается какая-нибудь извѣстная особенность, то на основаніи этого факта нельзя выводить *всеобщее* сужденіе; если часто при употребленіи извѣстнаго лекарства получалась польза, то это еще не значить, что это лекарство заключаетъ въ себѣ дѣйствительно цѣлебное вещество. Вообще одна послѣдовательность явленій другъ за другомъ не даетъ еще права заключать о причинной между ними связи (*post hoc* не тождественно съ *propter hoc*).

§ 38. Аксіомы, аналогіи.

Аксіомами называются такія общія сужденія (результаты индуктивнаго познанія), которыя каждый, волею скоро онъ только понимаетъ ихъ, считаетъ за несомнѣнно-достоувѣрныя истины, слѣдовательно, не-

нуждающіяся ни въ какихъ доказательствахъ. — Къ такимъ аксіомамъ принадлежатъ, напримѣръ, законы тождества и противорѣчія и многія другія уже приведенныя положенія: далѣе, напримѣръ, такія сужденія, какъ: цѣлое больше части, между двумя точками можетъ быть проведена одна прямая линия, одинаковые факторы производятъ одинаковые результаты, каждое движеніе предполагаетъ движущую силу, все случающееся совершается во времени и т. д. Всѣ такія сужденія отнюдь не врождены намъ, — и очень многіе люди не могутъ сознательно усвоить ихъ даже съ теченіемъ времени; но при постоянномъ вниманіи нашемъ къ себѣ, многія и совершенно одинаковыя воспріятія повторяются въ нашемъ сознаніи столь безчисленное количество разъ, что въ заключеніе волей-неволей приходимъ къ такимъ общимъ сужденіямъ. Разъ приобрѣли мы такія истины, — какъ уже придаемъ имъ фактическое (ассерторическое) значеніе безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Но у кого нѣтъ соотвѣствующихъ опытныхъ познаній, тотъ не понимаетъ и аксіомъ, — и ему нѣтъ никакой возможности доказать ихъ, потому что и пониманіе аксіомъ и доказательство ихъ совпадаютъ вмѣстѣ.

Болѣе ненадежными, чѣмъ аксіомы, являются вообще такія сужденія, которыя составляются по *аналогіи*, то есть, по сходству между извѣстными предметами. Если два предмета, или группы предметовъ, по узаніямъ опыта, представляются сходными въ извѣстныхъ пунктахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ пунк-

такъ не можетъ быть установлено ни ихъ сходство, ни ихъ несходство, то въ такомъ случаѣ естественно является пробѣлъ въ познаніи. Этотъ пробѣлъ въ познаніи пополняютъ такимъ образомъ, что предмету не вполне изслѣдованному приписываютъ признаки подобныхъ, но вполне извѣстныхъ,—и такимъ путемъ приходятъ къ такъ-называемому заключенію по аналогіи. Эта форма мышленія, конечно, никогда не можетъ имѣть полной достовѣрности, но всегда сохраняетъ значеніе болѣе или менѣе вѣроятной догадки. Чѣмъ болѣе число сходныхъ признаковъ въ сравниваемыхъ между собою предметахъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что не вполне изслѣдованный предметъ имѣетъ также и другіе признаки, общіе съ извѣстнымъ предметомъ. Мы не знаемъ, на примѣръ, непосредственно, что и въ другихъ людяхъ совершаются тѣ же самые процессы душевной жизни, какіе мы замѣчаемъ въ себѣ самихъ. Но такъ какъ и другіе люди по своей внѣшности, по своимъ движеніямъ, по своимъ фізіономическимъ чертамъ и т. д. и т. д. подобны намъ самимъ, то мы приписываемъ имъ также и душу, похожую на нашу. Даже болѣе совершеннымъ животнымъ мы приписываемъ свойственный человѣку способъ представленій, чувствованій и наклонностей. Но чѣмъ далѣе мы будемъ спускаться по лѣстницѣ существъ внизъ, или восходить вверхъ, тѣмъ ненадежнѣе будутъ та-кія аналогіи (безчисленные примѣры такихъ аналогій представляютъ намъ антропоморфізмъ и антропопа-

тивъ въ мифологіяхъ, средневѣковая астрологія, мѣръ сказоѣ, народныя суевѣрія и т. п.). Даже тамъ, гдѣ идетъ дѣло о предметахъ исключительно опытныхъ познаній, невозможно отъ простаго сходства въ извѣстныхъ пунктахъ съ увѣренностію заключать о сходствѣ въ другихъ пунктахъ. Напримѣръ: существуютъ ли на Марсѣ, который во многомъ представляетъ сходство съ землею, растенія и разумныя существа, возможно ли заключать отъ сходства между извѣстными физическими и психическими явленіями къ тождеству лежащихъ въ основаніи ихъ силъ и т. п.; всѣ подобныя вопросы остаются для науки, при теперешнемъ ея состояніи, дѣломъ не рѣшеннымъ.

§ 39. Гипотезы.

Если принимаютъ въ видѣ опыта какое-нибудь не вполне достовѣрное сужденіе за вполне достаточное для того, чтобы воспользоваться имъ какъ основой для объясненія извѣстныхъ фактовъ, то такое сужденіе называется *гипотезой* ¹⁾. Такъ напримѣръ, Ко-

---

¹⁾ Гипотеза есть какое-либо предположеніе, дѣлаемое нами (или безъ настоящаго доказательства, или на основаніи доказательства очевидно недостаточнаго), для попытки вывести изъ него заключенія, согласныя съ фактами, о которыхъ извѣстно, что они дѣйствительно существуютъ. Предположеніе дѣлается въ убѣжденіи, что если заключенія, къ которымъ приводитъ гипотеза, суть извѣстныя истины, то сама гипотеза — непременно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнo — истина. Услуга гипотезъ должна быть причислена къ совершенно необходимому въ наукѣ. Безъ такихъ предположеній наука никогда не достигла бы

перникъ, вмѣсто древняго міровоззрѣнія, высказалъ предположеніе, что земля движется вокругъ солнца; Ньютонъ предложилъ ученіе о всеобщемъ тяготѣніи; происхожденія аэролитовъ искали сначала въ земныхъ вулканахъ, потомъ въ атмосферныхъ испареніяхъ, да-лѣе, въ вулканахъ луны и, наконецъ, въ міровомъ пространствѣ; въ ученіи о свѣтѣ долгое время имѣла значеніе гипотеза истеченія, пока не уступила своего мѣста гипотезѣ колебанія эфира; человѣческій родъ производили то отъ одной пары, то отъ нѣсколькихъ, — и въ недавнее время сдѣлана догадка, что онъ раз-вился изъ низшихъ животныхъ; равнымъ образомъ и во всеобщей исторіи, особенно въ исторіи культуры, нѣтъ недостатка въ гипотезахъ; для объясненія ду-шевныхъ явленій Бенеке принимаетъ, что душа есть *сложное* существо, между тѣмъ какъ Гербардъ счита-етъ ее существомъ *простымъ*; френологи строятъ гипотезы, что выпуклости черепа суть признаки ду-ховныхъ органовъ и т. д.

Ясно, что каждая гипотеза есть прежде всего про-блематическое сужденіе; противорѣчащіе факты опыта ее уничтожаютъ, между тѣмъ какъ согласные съ ней даютъ ей силу. И чѣмъ чаще послѣднее случается, тѣмъ ближе подходитъ гипотеза къ ассерторическому сужденію, къ значенію положительной научной тео-

---

своего нынѣшняго состоянія; онѣ—необходимыя ступени въ достиже-ніи чего-либо болѣе вѣрнаго; и почти все, что нынѣ теорія, было нѣ-когда гипотезой. См. Система Логикъ Д. Ст. Милля т. II стр. 8 и 16.

рін. И дѣйствительно, многія гипотезы въ настоящее время уже имѣють значеніе аксіомъ и неподлежащихъ сомнѣнію принциповъ.

§ 40. Дедукція, доказательство.

Взглядъ на все вышеизложенное показываетъ намъ, что всѣ научныя положенія обязаны своимъ происхожденіемъ найденной связи частнаго съ общимъ, слѣдовательно, индуктивному мышленію. «Чистаго» мышленія, научнаго созерцанія безъ эмпирическаго содержанія, знанія безъ опыта—нѣтъ. Только тогда, когда индуктивнымъ путемъ приобрѣтаются общія сужденія, является возможность выводить изъ нихъ другія познанія.

Такое взаимное отношеніе общихъ сужденій и выводимыхъ изъ нихъ познаній находитъ ближайшее свое примѣненіе въ томъ случаѣ, когда приходится доказывать истинность какого-нибудь сужденія.—А такъ какъ индуктивнымъ путемъ приобрѣтенныя сужденія являются уже готовыми основаніями для сужденій доказываемыхъ, то и самый способъ доказыванія происходитъ путемъ обратнымъ, т. е. путемъ *дедуктивнаго* мышленія, посредствомъ синтеза.—Такимъ образомъ, *доказательствомъ* называется выводъ истинности не вполне достовѣрнаго сужденія изъ истинности другихъ сужденій, достовѣрность которыхъ совершенно дознана и которыя заключаютъ въ себѣ подлежащее дока-

званію сужденіе (отношеніе подчиненія). По формѣ своей доказательство представляетъ соединеніе такихъ двухъ сужденій, изъ которыхъ одно служитъ основаніемъ, а другое—слѣдствіемъ (сужденія выводныя § 26 и слѣд.), или полный силлогизмъ (§§ 30-34.)—Сужденіе, подлежащее доказыванію, называется *тезисомъ* и оно, безъ сомнѣнія, должно быть дано, чтобы знать, что нужно доказывать. — Когда дѣйствительно дано это сужденіе, вся забота и всѣ усилія мышленія сосредоточиваются на томъ, чтобы подыскать такія сужденія, которыя могли бы служить основаніемъ для тезиса (посылки, основанія доказательства, аргументы). При этомъ, между тезисомъ и основаніями доказательства является двоякаго рода отношеніе,—а именно: истинность тезиса можетъ выводиться изъ истинности основанія—такое доказательство называется *прямымъ*, или: истинность тезиса можетъ выводиться изъ невѣрности сужденія, противорѣчащаго тезису—такое доказательство называется *непрямымъ*.—Доказываніе невѣрности утверждаемой мысли называется *опроверженіемъ*; доказываніе вѣрности сужденія, противоположнаго и противорѣчащаго утверждаемой мысли, называется *противодоказательствомъ*. Взвѣшиваніе основаній и *за* и *противъ* утверждаемой мысли называется *ислѣдованіемъ*, *научнымъ споромъ*, *диспутомъ*; сужденіе, которое стараются отыскать этимъ путемъ, называется задачей познанія, *проблемой*; окончательное утвержденіе найденнаго сужденія называется *рѣшеніемъ* задачи или проблемы.

Правила и предостерегающія отъ заблужденій указанія, которыми должно руководствоваться мышленіе при доказательствахъ того или другаго положенія, почерпаются изъ всей логики.—Кто въ себѣ самомъ сознаетъ обязательную силу законовъ ея, тотъ, безъ сомнѣнія, обнаружитъ это, являясь человѣкомъ, свободнымъ отъ всякихъ предрассудковъ, разсудительнымъ и одушевленнымъ неподкупною любовью къ истинѣ!

R $\frac{1}{171}$